Если однажды
МЫ ЗАБУДЕМ
ДРУГ ДРУГА
Когда душа помнит
то, что забыл разум

Иона Сьерра
Если однажды мы забудем друг друга

https://litres.ru/74692267
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда душа помнит то, что забыл разум.

Клэр Морган привыкла доверять фактам. Она врач, жена и мать двоих детей, и её жизнь кажется вполне определённой. Но встреча с Бенджамином Ридом заставляет её усомниться даже в том, что она знает о себе.

Их связывают почти одинаковые шрамы, необъяснимые воспоминания и история Майли и Сэма — влюблённых, погибших в автомобильной аварии сорок лет назад.

Чем сильнее прошлое вторгается в настоящее, тем труднее Клэр разобраться в собственных чувствах. Возможно ли, что любовь переживает даже смерть? И если прошлое действительно помнит то, что забыл разум, означает ли это, что оно вправе решать за нас?

Это история о любви, памяти и утрате, о семье и непростом выборе между тем, что словно предначертано, и тем, что мы решаем сами.

Содержание

Глава 1. Идеальная жизнь 5
Глава 2. Женщина без причины для грусти 25
Глава 3. Незнакомец 49
Глава 4. Невозможное совпадение 66
Глава 5. Имя из прошлого 81
Глава 6. Человек, которого я будто знаю 100
Глава 7. Отражение 119
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Иона Сьерра
Если однажды мы забудем друг друга

Если однажды мы забудем друг друга
Роман

Глава 1. Идеальная жизнь

Клэр Морган поняла, что разлюбила свою жизнь, в тот вторник, когда муж принёс ей кофе в постель.

Не мужа. Не детей. Даже не их красивый дом с белыми ставнями и старой яблоней во дворе.

Жизнь.

Она лежала под мягким одеялом, слушала, как Фрэнк рассказывает о предстоящей поездке на побережье, и смотрела на тонкую полоску утреннего света на стене. Он улыбался той самой улыбкой, в которую она влюбилась почти пятнадцать лет назад. На безымянном пальце поблёскивало обручальное кольцо. В соседней комнате дети спорили из-за ванной.

Всё было именно так, как должно было быть.

И всё чаще Клэр казалось, что она оказалась не там.

— Ты меня слушаешь?

Она моргнула и перевела взгляд на мужа.

— Конечно.

— Тогда куда мы едем в субботу?

Клэр посмотрела на него с таким искренним недоумением, что Фрэнк рассмеялся.

— Вот именно. Ты меня не слушала.

— Прости. Задумалась.

— О чём?

Хороший вопрос.

О чём она думала? О том, что кофе пахнет корицей, хотя она никогда не добавляла корицу в кофе. О том, что за окном кричит какая-то птица, и ей почему-то хочется немедленно узнать, какая именно. О том, что сегодня вторник, завтра среда, а потом четверг, и все эти дни будут похожи друг на друга до мельчайших подробностей.

О том, что, если бы прямо сейчас ей предложили исчезнуть на неделю, она, вероятно, согласилась бы.

А потом испытала бы ужасную вину за то, что вообще об этом подумала.

— О работе, — ответила она.

Фрэнк приподнял бровь.

— Ты врач, Клэр. Ты имеешь право хотя бы иногда думать не о работе.

— Я знаю.

— Имеешь право не спасать мир до завтрака.

Он наклонился и поцеловал её в лоб. Потом поправил край одеяла, словно она всё ещё была той двадцатитрёхлетней девушкой, которую он когда-то впервые привёз знакомиться со своими родителями.

Клэр улыбнулась.

Она действительно любила его. В этом не было никаких сомнений. Она любила его руки, его голос по утрам, привычку оставлять открытым шкафчик с чашками и то, как он никогда не забывал заправить её машину, если замечал, что

бензин заканчивается.

Она любила, как он разговаривал с детьми. Как терпеливо объяснял их сыну задачи по математике. Как танцевал с дочерью на кухне, когда та включала музыку на полную громкость.

Она любила даже его дурацкие носки с изображениями хот-догов, которые он носил исключительно дома и которые она каждый год безуспешно пыталась выбросить.

Но иногда, когда Фрэнк засыпал рядом, Клэр смотрела в темноту и чувствовала себя человеком, который забыл зачем-то вернуться домой.

Не в другой дом.

Не к другому мужчине.

К себе.

— Мама! Эмма забрала мой тост!

— Потому что ты оставил его на моей тарелке!

— Он был на моей тарелке!

— На твоей тарелке лежит мой тост!

Клэр закрыла глаза.

— Если вы оба немедленно не замолчите, — объявила она, входя на кухню, — я съем оба тоста сама.

Двенадцатилетняя Эмма и девятилетний Ной замерли.

— Ты не будешь, — недоверчиво сказал Ной.

— Проверим?

Она потянулась к тарелке.

Ной с криком схватил тост, Эмма расхохоталась, и через

секунду оба уже пытались обнять мать, одновременно доказывая, что именно они её любимый ребёнок.

Клэр рассмеялась вместе с ними.

Вот оно. Это чувство она знала. Тёплое, настоящее, почти физическое. Она обняла детей, вдохнула запах шампуня Ноя с ароматом зелёного яблока и поцеловала Эмму в макушку.

Если бы кто-нибудь спросил её, счастлива ли она, Клэр ответила бы «да».

Не задумываясь.

Она бы рассказала о муже, о детях, о доме, который они купили шесть лет назад, о своей работе в городской клинике. О том, как они каждое лето ездят к океану, как отмечают дни рождения и как Фрэнк до сих пор оставляет ей записки в сумке, если знает, что у неё тяжёлый день.

Она не стала бы лгать.

И всё же, пока дети спорили о том, кому достанется последний кусочек бекона, Клэр вдруг почувствовала странное желание заплакать.

Она отвернулась к кофемашине.

— Мам, ты чего?

Эмма смотрела на неё слишком внимательно для своих двенадцати лет.

— Ничего, милая.

— Ты сегодня какая-то грустная.

— Я не грустная. Просто не выспалась.

Эмма пожала плечами, но продолжила наблюдать за ма-

терью.

Дети замечают больше, чем нам хотелось бы. Особенно тогда, когда мы сами не можем объяснить, что именно происходит.

— Мам, а мы поедем на океан в эти выходные? — спросил Ной.

— Если папа всё организует.

— Я уже всё организовал, — отозвался Фрэнк, появляясь в дверях. — Домик забронирован. Ужин в ресторане тоже. Осталось только уговорить маму не брать с собой рабочий ноутбук.

— Я не беру его с собой каждый раз.

— А когда ты в последний раз не брала его с собой?

— Хорошо. Почти каждый раз.

Фрэнк подошёл к ней сзади и обнял за талию.

— На этот раз никаких историй болезни, никаких звонков из клиники и никаких «я только на пять минут». Договорились?

Она положила ладони поверх его рук.

— Договорились.

И на мгновение ей стало стыдно за собственные мысли.

Потому что вот он, её муж. Человек, который помнил, что она любит кофе с небольшим количеством молока, но без сахара. Который забронировал домик у океана, потому что однажды она сказала, что скучает по морю. Который до сих пор смотрел на неё так, будто ему повезло.

Что ещё можно требовать от жизни?

Клэр не знала.

И именно это пугало её больше всего.

В клинику она приехала за двадцать минут до начала приёма.

Осень в их небольшом городке наступила незаметно. Ещё неделю назад деревья вдоль дороги были почти зелёными, а теперь их кроны полыхали оттенками золота, меди и красного вина. На тротуарах лежали первые опавшие листья, и ветер гонял их по парковке, словно торопил прохожих.

Клэр любила это время года.

По крайней мере, раньше любила.

Она припарковала машину, взяла сумку и направилась к служебному входу. У дверей стояла Марта, медсестра с короткими седыми волосами и привычкой начинать каждое утро с обсуждения чужой личной жизни.

— Ты видела новую машину доктора Харриса?

— Доброе утро, Марта.

— Чёрный «Мерседес». Совершенно неприлично для человека, который ещё вчера жаловался на стоимость страховки.

— Возможно, он получил прибавку.

— Или женился на богатой вдове.

Клэр улыбнулась.

— Ты слишком много смотришь телевизор.

— А ты слишком мало интересуешься жизнью.

Марта произнесла это с таким видом, словно сообщила важный медицинский диагноз.

Клэр остановилась.

— Что это значит?

— Это значит, дорогая, что ты выглядишь так, будто тебе скучно даже дышать.

Слова попали точно в цель.

Клэр почувствовала, как улыбка медленно исчезает с её лица.

— Я просто устала.

— Разумеется. У тебя двое детей, муж, работа и дом. Ты имеешь право устать. Но раньше ты хотя бы рассказывала мне, что собираешься сделать со своей жизнью, когда дети вырастут.

— Я собираюсь наслаждаться тишиной.

— Врёшь.

— Марта!

— Что? Я старая женщина. Мне можно говорить правду.

Клэр покачала головой и пошла к кабинету.

— Кстати, — крикнула ей вслед Марта, — у тебя сегодня новый пациент. Записался на консультацию через регистратуру. Мужчина, сорок лет. Жалобы на периодические боли в боку. Медицинскую карту запросили, но пока ничего не прислали.

— Как его зовут?

— Бенджамин Рид.

Клэр кивнула, не придав имени никакого значения.

Тогда она ещё не знала, что через несколько часов этот человек изменит всё, во что она верила.

Первую половину дня Клэр провела в привычном ритме.

Осмотр. Анализы. Направление на дополнительное обследование. Разговор с пожилым пациентом, который упорно отказывался принимать назначенные препараты, потому что прочитал в интернете, что они разрушают печень.

Клэр умела быть терпеливой.

Она могла объяснить сложные вещи простыми словами, могла успокоить испуганного человека, могла по одному взгляду понять, когда пациент что-то скрывает.

Работа была единственной частью её жизни, в которой она никогда не сомневалась.

Здесь всё имело смысл. Симптомы вели к диагнозам, диагнозы — к решениям, а решения могли изменить чью-то жизнь.

В кабинете Клэр не было места пустоте.

По крайней мере, обычно.

— Следующий пациент, — сказала она, просматривая записи.

Дверь открылась.

— Доктор Морган?

Мужской голос.

Клэр подняла глаза.

Мужчина, стоявший на пороге, был высоким, широкопле-

чим и одетым так, словно не потратил на выбор одежды ни секунды. Тёмные джинсы, серый свитер, потёртая кожаная куртка. Волосы цвета тёмного мёда немного растрепались от ветра.

На вид ему было около сорока.

У него были серые глаза. Не голубые, не зелёные — именно серые, с тонким золотистым ободком вокруг зрачков.

Клэр поймала себя на том, что смотрит на него дольше, чем следовало.

— Да. Проходите, мистер Рид.

Он улыбнулся.

И почему-то ей показалось, что она уже видела эту улыбку.

Не где-то в городе. Не на фотографии. Не во сне.

Она знала её.

Эта мысль была настолько нелепой, что Клэр немедленно от неё отказалась.

— Бенджамин, — сказал он, протягивая руку. — Но все зовут меня Бенджи.

Она пожала ему руку.

Его ладонь была тёплой, пальцы — длинными, с небольшим шрамом у основания большого пальца.

Обычная рука обычного мужчины.

И всё же в тот момент, когда их пальцы соприкоснулись, Клэр испытала странное ощущение, будто внутри неё что-то резко сдвинулось с места.

Не страх.

Не радость.

Скорее, внезапное облегчение.

Как будто она долго искала что-то в тёмной комнате, уже перестала надеяться найти и вдруг нащупала знакомую вещь.

Клэр первой отпустила его руку.

— Присаживайтесь. Что вас беспокоит?

— Периодическая боль в правом боку. Ничего серьёзного, думаю. Но моя сестра считает, что я умру в ближайшие три дня, если не покажусь врачу.

— Ваша сестра всегда так оптимистична?

— Только по отношению ко мне.

Он говорил легко, без попыток произвести впечатление. Клэр задала несколько вопросов, уточнила характер боли, частоту приступов, перенесённые заболевания.

Бенджамин отвечал спокойно, иногда шутил. Он не выглядел человеком, который боится врачей, но внимательно слушал каждое её слово.

Когда Клэр попросила его лечь на кушетку для осмотра, он без возражений снял свитер и приподнял футболку.

И тогда она увидела шрам.

Он находился на правой стороне живота, чуть ниже рёбер, ближе к боковой поверхности туловища. Небольшой, неровный, с бледными краями и едва заметным втяжением в центре.

Клэр замерла.

На секунду ей показалось, что в кабинете стало холоднее.

Она знала этот шрам.

Не похожий.

Не напоминающий.

Точно такой же.

Её собственная отметина находилась на том же месте, имела такую же вытянутую форму и тот же небольшой изгиб у нижнего края.

С самого детства мать объясняла, что Клэр родилась с ним. Обычная родовая особенность, говорила она. Ничего опасного, ничего, о чём стоило беспокоиться.

Клэр никогда не сомневалась в её словах.

До этой секунды.

— Доктор? — спросил Бенджамин.

Она заставила себя отвести взгляд от его живота.

— Простите. Я хочу внимательнее осмотреть эту область.

— Конечно.

Клэр осторожно прощупала ткани вокруг шрама, проверила чувствительность кожи и задала несколько дополнительных вопросов.

— Вы знаете, откуда он появился?

Бенджамин посмотрел на отметину так, словно давно перестал её замечать.

— Нет. Насколько я помню, он у меня всегда был.

— Вы когда-нибудь спрашивали родителей?

Он усмехнулся, но улыбка получилась невесёлой.

— Сложно спросить то, чего никто не знает. Я вырос в приёмных семьях. В документах о происхождении почти ничего нет.

Клэр медленно выпрямилась.

— И никто никогда не объяснял вам, что это за повреждение?

— В детстве мне сказали, что я, вероятно, напоролся на какой-нибудь металлический штырь. Звучит достаточно правдоподобно, учитывая, каким я был сорванцом. Но доказательств нет.

Она посмотрела на него.

— Вы помните саму травму?

— Нет. А вы помните, как появились ваши шрамы?

Вопрос прозвучал так естественно, что Клэр едва не ответила.

Потом она поняла, что он спросил не просто из вежливости.

Его взгляд остановился на её лице. Впервые за всё время разговора Бенджамин перестал улыбаться.

— Простите, — сказал он. — Не знаю, почему я это спросил.

Клэр сглотнула.

— Ничего страшного.

Она вернулась к обследованию, но сосредоточиться стало гораздо труднее.

Шрам не мог возникнуть при рождении в том виде, в каком он выглядел. По крайней мере, его внешний вид заставлял серьёзно усомниться в объяснении, которое она слышала всю жизнь. Подобные повреждения могли возникать после проникающих ранений, хирургических вмешательств или других травм.

Но почему у совершенно незнакомого мужчины была точно такая же отметина?

Совпадения случались. Конечно, случались.

Клэр была врачом, а не героиней дешёвого мистического романа.

Она закончила осмотр, назначила обследование и вернулась к столу.

— Пока я не вижу причин для паники, но нам нужно исключить несколько возможных причин боли. Запишитесь на УЗИ и сдайте анализы. После результатов мы встретимся снова.

— Хорошо.

Бенджамин сел, натянул свитер и начал застёгивать куртку.

Клэр уже собиралась попрощаться, когда он вдруг спросил:

— Доктор Морган, можно задать вам странный вопрос?

Она посмотрела на него.

— Попробуйте.

— У вас когда-нибудь было ощущение, что вы скучаете

по человеку, которого никогда не встречали?

Клэр перестала дышать на несколько секунд.

За окном проехала машина. Где-то в коридоре засмеялась Марта. Телефон на столе коротко завибрировал.

Обычные звуки обычного рабочего дня.

— Нет, — ответила Клэр.

Слишком быстро.

Бенджамин внимательно посмотрел на неё, словно понял, что она солгала.

Но спорить не стал.

— Тогда, наверное, это только у меня.

Он улыбнулся, попрощался и вышел из кабинета.

Клэр осталась сидеть неподвижно.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем взяла телефон и открыла сообщения.

Фрэнк прислал фотографию: он стоял в супермаркете перед полкой с вином и спрашивал, какое купить к ужину в субботу.

Клэр посмотрела на снимок.

На его улыбку.

На знакомые глаза.

На мужчину, с которым она прожила почти пятнадцать лет и которого, как ей казалось, знала лучше всех на свете.

Она набрала: «Выбирай сам, дорогой. Я доверяю твоему вкусу».

Потом стёрла сообщение.

Написала: «Красное. То, которое мы пили в прошлом году».

Отправила.

Телефон лёг на стол экраном вниз.

Клэр поднялась, подошла к раковине и вымыла руки, хотя не помнила, чтобы успела к чему-то прикоснуться.

Потом посмотрела на часы.

До конца рабочего дня оставалось четыре часа.

Ей предстояло принять ещё девять пациентов, позвонить в лабораторию и проверить результаты анализов, которые пришли утром.

Обычный вторник.

Обычная жизнь.

И всё же, когда Клэр вернулась к столу, она вдруг поняла, что больше не может вспомнить лицо мужчины, которого осматривала непосредственно перед Бенджамином.

Зато серые глаза нового пациента стояли перед ней так отчётливо, словно он всё ещё находился в кабинете.

Клэр открыла медицинскую карту Бенджамина Рида.

Перечитала его имя.

Возраст.

Жалобы.

И, сама не понимая зачем, открыла пустую заметку и написала всего одну фразу:

«Уточнить происхождение шрама».

Она долго смотрела на эти слова.

Потом добавила ещё одну строчку:

«Поговорить с мамой».

Вечером Фрэнк приготовил пасту с соусом, который Клэр любила с первых месяцев их знакомства.

Дети рассказывали о школе, перебивая друг друга. Эмма жаловалась на учительницу английского, Ной доказывал, что его проект по естествознанию заслуживает первого места на школьной выставке.

Фрэнк слушал обоих, задавал вопросы и время от времени переводил взгляд на жену.

— Ты сегодня тихая, — заметил он, когда дети убежали наверх.

Клэр складывала тарелки в посудомоечную машину.

— Устала.

— Опять работа?

— Да.

Он подошёл и забрал у неё тарелку.

— Клэр.

Она обернулась.

— Что?

— Я знаю, что ты устала. Я знаю, что у тебя много дел. Но мне кажется, в последнее время ты всё время где-то далеко.

Она попыталась улыбнуться.

— Тебе кажется.

— Возможно.

Фрэнк не стал спорить. Он просто обнял её, прижав к се-

бе, и на секунду Клэр позволила себе закрыть глаза.

Его плечо было знакомым. Его запах — родным. Его руки — надёжными.

Она знала, как он смеётся, когда по-настоящему счастлив. Знала, что он никогда не ест корочки от хлеба и всегда проверяет, закрыта ли входная дверь, прежде чем лечь спать. Знала, как он будет выглядеть через двадцать лет, когда волосы окончательно поседеют, а на лице появятся новые морщины.

Она представляла их вместе в старости.

Внуки. Праздничный стол. Фотографии на стенах.

И впервые за долгие годы эта картина не принесла ей покоя.

— Я люблю тебя, — тихо сказал Фрэнк.

Клэр почувствовала, как что-то сжалось у неё в груди.

— Я знаю.

Он отстранился и посмотрел ей в лицо.

— Ты ведь тоже меня любишь?

Вопрос был задан почти шутливо. Почти.

Она могла бы ответить немедленно. Могла бы поцеловать его, рассмеяться, сказать, что он глупый и что, конечно, любит.

Но почему-то не смогла.

Всего на секунду.

Может быть, на две.

Этого оказалось достаточно.

Фрэнк медленно кивнул, словно получил ответ, которого боялся.

— Ладно, — сказал он. — Пойду проверю, сделали ли дети домашнее задание.

Он поднялся наверх.

Клэр осталась на кухне одна.

За окном ветер раскачивал ветви старой яблони. На столе лежали два билета в океанариум, которые Фрэнк купил для детей на выходные. Рядом стояла бутылка вина, которую он собирался открыть в субботу.

Всё было на своих местах.

Клэр прислонилась к столешнице и закрыла лицо руками.

Она не понимала, что с ней происходит.

Не знала, почему незнакомый мужчина заставил её почувствовать то, чего она не могла объяснить даже самой себе.

И не знала, почему, вспоминая его шрам, она испытывала не страх.

А тоску.

Такую глубокую, такую древнюю, словно эта боль существовала задолго до её рождения.

В ту ночь Клэр долго не могла заснуть.

Фрэнк лежал рядом, дышал ровно и спокойно. В какой-то момент он повернулся к ней во сне и привычным движением положил ладонь ей на талию.

Она осторожно убрала его руку, чтобы не разбудить.

Потом встала, накинула халат и пошла в ванную.

Включив свет, Клэр подняла край футболки и посмотрела на небольшой шрам на правом боку.

Она видела его тысячи раз.

В детстве стеснялась его на пляже. В юности пыталась скрывать под купальником. Позже перестала обращать внимание.

Ничего особенного.

Просто часть её тела.

Клэр коснулась отметины кончиками пальцев.

И вдруг ей почудилось, что она помнит боль.

Не свою.

Чужую.

Железо. Стекло. Запах дождя на горячем асфальте.

Чей-то голос, зовущий её по имени.

А потом — темнота.

Клэр резко отдёрнула руку.

Сердце колотилось так сильно, что она невольно оглянулась, словно в ванной мог находиться кто-то ещё.

Но она была одна.

Всего лишь усталость.

Всего лишь воображение.

Всего лишь странный день, после которого всё снова станет как прежде.

Она выключила свет и вернулась в спальню.

На следующее утро ей предстояло принять девятнадцать пациентов.

И среди них не должно было быть Бенджамина Рида.

По крайней мере, именно так она решила.

Но, засыпая, Клэр впервые за много лет произнесла во сне имя, которого никогда прежде не слышала.

— Самюэль…

Глава 2. Женщина без причины для грусти

В среду утром Клэр Морган проснулась с твёрдым намерением больше не думать о Бенджамине Риде.

Она даже составила мысленный список причин, по которым это решение было разумным.

Во-первых, он был её пациентом.

Во-вторых, она состояла в счастливом браке.

В-третьих, ей было тридцать восемь лет, а не восемнадцать, и она давно переросла привычку придавать случайным встречам мистическое значение.

В-четвёртых, она была врачом. Человеком, который привык доверять фактам, анализам и доказательствам, а не необъяснимым ощущениям.

В-пятых…

Клэр открыла глаза и посмотрела на часы.

Шесть сорок семь.

Она уже двадцать минут лежала с закрытыми глазами и убеждала себя, что не думает о мужчине, которого видела вчера впервые в жизни.

Это начинало раздражать.

— Ты разговариваешь сама с собой? — сонно спросил Фрэнк.

Клэр повернула голову. Муж лежал на боку, подложив ладонь под щёку, и смотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Нет.

— Тогда почему ты хмуришься?

— Думаю.

— Опасное занятие до завтрака.

Он притянул её к себе и поцеловал в висок.

Клэр прижалась к его груди. На несколько секунд всё стало привычным. Она услышала знакомый стук его сердца, почувствовала тепло его тела и вспомнила, как много лет назад могла лежать так часами, не желая никуда уходить.

— Фрэнк?

— М-м?

— Ты когда-нибудь чувствовал, что чего-то очень хочешь, но не знаешь чего?

Он приоткрыл один глаз.

— Например, ещё поспать?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Клэр ущипнула его за бок.

— Ай! Ладно, ладно.

Фрэнк перевернулся на спину и задумался.

— Наверное, да. Иногда мне хочется купить лодку.

— Лодку?

— Небольшую. С мотором. Чтобы мы могли уезжать куда-нибудь на выходные, рыбачить, ночевать в бухтах. Ничего

не планировать.

— Ты не умеешь рыбачить.

— Именно поэтому мне нужна лодка. Чтобы научиться.

Клэр рассмеялась.

— А ещё?

— А ещё я хочу, чтобы Ной перестал оставлять мокрые полотенца на кровати. Чтобы Эмма перестала закатывать глаза, когда я спрашиваю, как прошёл её день. И чтобы ты хотя бы раз позволила мне приготовить ужин, не проверяя каждые пять минут, что я делаю.

— В прошлый раз ты перепутал соль с сахаром.

— Это была одна ошибка.

— Ты положил четыре ложки сахара в суп.

— Я экспериментировал.

Клэр снова рассмеялась, и Фрэнк улыбнулся с таким облегчением, словно только этого и ждал.

Потом он погладил её по щеке.

— А ты чего хочешь?

Она открыла рот, но слова не появились.

Не лодку.

Не отпуск.

Не новый дом, не машину, не повышение.

Ей хотелось чего-то, что невозможно было купить, запланировать или вписать в календарь.

Чего-то, по чему она скучала, хотя не могла вспомнить, когда в последний раз это имела.

— Не знаю, — наконец призналась она.

Фрэнк несколько секунд смотрел на неё.

— Тогда давай выясним.

Он произнёс это так просто, словно они собирались выбрать новый диван.

— Вместе, — добавил он.

Клэр почувствовала укол вины.

— Хорошо.

Она поцеловала его и выбралась из постели.

В ванной, когда она снимала ночную футболку, взгляд снова упал на шрам.

Клэр отвернулась.

Сегодня у неё не было времени на глупости.

В половине девятого она уже сидела за рабочим столом.

На мониторе была открыта электронная медицинская карта Бенджамина Рида.

Клэр смотрела на неё уже третью минуту.

Вчера она внесла результаты осмотра, перечислила симптомы и назначила обследование. Всё было сделано правильно. Никаких замечаний к работе не возникало.

И всё же она снова открыла карту, хотя прекрасно помнила её содержимое.

Бенджамин Рид, сорок лет. Боль в правом боку. Неизвестная история происхождения рубца. Направление на ультразвуковое исследование.

Ничего необычного.

Клэр закрыла вкладку.

Через десять секунд открыла снова.

— Ты сейчас прожжёшь экран, — раздался голос Марты.

Клэр вздрогнула.

Медсестра стояла в дверях с двумя стаканами кофе.

— Я стучала.

— Прости. Не услышала.

Марта поставила один стакан на стол и посмотрела на монитор.

— Новый пациент?

— Да.

— Красивый?

Клэр поперхнулась кофе.

— Что?

— Я спрашиваю, красивый ли новый пациент.

— Марта!

— Значит, красивый.

— Я не это сказала.

— Ты ничего не сказала. Именно поэтому я и сделала вывод.

Клэр закрыла медицинскую карту.

— Ты невыносима.

— Знаю. Поэтому меня и держат здесь двадцать три года.

Марта уселась на стул напротив и отпила кофе.

— Ну?

— Что «ну»?

— Рассказывай.

— О чём?

— О том, почему вчера ты выглядела так, будто увидела привидение.

Клэр молчала.

Она могла рассказать Марте о шраме. О том, что он выглядел точно так же, как её собственный. О странном чувстве, возникшем при первом прикосновении. О вопросе, который Бенджамин задал перед уходом.

Но, произнеся всё это вслух, она превратила бы свои мысли в нечто реальное.

А ей пока хотелось верить, что это просто совпадение.

— У него такой же шрам, как у меня, — сказала она наконец.

Марта перестала пить кофе.

— Где?

Клэр указала на правую сторону своего живота.

— Здесь. Примерно такого же размера. Та же форма. То же расположение.

Марта нахмурилась.

— И что в этом странного?

— Я не знаю, откуда он у меня. Мама всегда говорила, что я родилась с ним.

— А ты не родилась?

— Марта, я не помню собственное рождение.

— Очень разумно с твоей стороны.

Клэр закатила глаза.

— Я имею в виду, что подобный рубец не похож на обычную родовую отметину. По крайней мере, мне так кажется. Я хочу разобраться.

— Тогда разберись.

— Ты не понимаешь.

— Разумеется, не понимаю. Я медсестра, а не ясновидящая.

Марта поставила стакан на стол.

— Но вот что я тебе скажу. Если тебя что-то беспокоит, выясни, в чём дело. Ты всегда так поступаешь с пациентами. Почему с собой должно быть иначе?

Клэр задумалась.

В этом Марта была права.

Она не могла провести всю жизнь, принимая объяснение матери только потому, что так было удобнее.

— Я позвоню ей сегодня вечером, — решила Клэр.

— Прекрасно. А теперь закрой эту несчастную карту и займись работой. У тебя через пять минут первый пациент.

Марта поднялась, но у двери остановилась.

— И ещё, Клэр?

— Что?

— Если этот мужчина действительно красивый, я хочу увидеть его фотографию.

— Вон отсюда!

Марта расхохоталась и скрылась в коридоре.

Клэр покачала головой.

На этот раз она действительно закрыла медицинскую карту.

К полудню Клэр почти убедила себя, что вчерашний день был просто странным совпадением.

Она приняла шестерых пациентов, обсудила с коллегой результаты анализов, выпила две чашки кофе и даже успела позвонить в школу, чтобы уточнить расписание родительского собрания.

Обычная работа помогала.

Когда перед тобой сидит человек с повышенным давлением, ты не можешь позволить себе размышлять о прошлых жизнях. Когда пожилая женщина плачет, рассказывая о смерти мужа, ты не можешь думать о незнакомце с серыми глазами.

Ты слушаешь. Задаёшь вопросы. Помогаешь.

Клэр всегда умела это делать.

Однако во время короткого перерыва она обнаружила, что рисует на краю листа маленькие вытянутые овалы.

Один.

Второй.

Третий.

Она посмотрела на рисунок и нахмурилась.

Это были шрамы.

Две одинаковые отметины, расположенные рядом.

Клэр смяла лист и выбросила его в корзину.

— Прекрати, — сказала она себе.

— Что прекратить? — спросил доктор Харрис, проходивший мимо открытой двери.

Клэр подняла голову.

— Ничего. Просто разговариваю сама с собой.

— Тяжёлая неделя?

— Среда.

— Самый опасный день.

Он ушёл, так и не объяснив, что имел в виду.

Клэр улыбнулась.

Потом посмотрела на часы.

До обеда оставалось двадцать минут.

Она собиралась пойти в маленькое кафе через дорогу, купить салат и немного прогуляться. Возможно, свежий воздух поможет ей перестать думать о том, о чём думать она совершенно не собиралась.

В этот момент зазвонил телефон.

На экране высветилось имя, которое она не ожидала увидеть.

Бенджамин Рид.

Клэр замерла.

Она посмотрела на экран, словно телефон мог объяснить, почему пациент звонит ей лично.

Потом ответила.

— Доктор Морган?

— Да, это я.

— Добрый день. Простите, что беспокою. Мне только что позвонили из лаборатории. Оказалось, что направление на анализы уже отправлено, но я не понял, нужно ли приходить натощак.

Клэр медленно выдохнула.

Конечно.

Обычный медицинский вопрос.

— Да, некоторые анализы нужно сдавать натощак. Я уточню список и попрошу регистратуру отправить вам инструкции.

— Отлично. Спасибо.

Пауза.

— И ещё, — добавил он. — Я хотел извиниться за вчерашний вопрос.

Клэр крепче сжала телефон.

— Какой именно?

— Про человека, которого никогда не встречал. Это прозвучало странно.

— Немного.

Он тихо рассмеялся.

— Я иногда говорю то, о чём потом жалею.

— Мне это знакомо.

Она сказала это прежде, чем успела подумать.

— Правда? — спросил Бенджамин.

— Я имею в виду, что все иногда говорят лишнее.

— Конечно.

Снова пауза.

Клэр могла закончить разговор. Она должна была его закончить.

Но вместо этого спросила:

— Вы давно живёте в нашем городе?

— Около шести лет. До этого жил в Бостоне.

— И почему переехали?

— Работа. Потом понял, что мне здесь нравится. Небольшой город, тихие улицы, люди, которые здороваются друг с другом по утрам.

— Даже те, кого вы не знаете?

— Особенно те, кого я не знаю.

Клэр улыбнулась.

Она представила, как он стоит где-нибудь на улице, с руками в карманах куртки, и здоровается с незнакомыми прохожими. Почему-то это показалось ей очень естественным.

— Доктор Морган?

— Да?

— Вы всё ещё на линии?

Она рассмеялась.

— Да. Простите.

— Я просто подумал, что связь оборвалась.

— Нет, всё в порядке. Я попрошу регистратуру связаться с вами по поводу анализов.

— Спасибо, Клэр.

Она замерла.

Он назвал её по имени.

Разумеется, он имел на это право. Её имя было написано на двери кабинета, на медицинских документах, на бейдже.

И всё же, услышав его голос, произносящий «Клэр», она почувствовала то же странное узнавание, что и накануне.

— До свидания, Бенджамин.

— До свидания.

Разговор закончился.

Клэр ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

— Чёрт, — прошептала она.

Это было совершенно непрофессионально.

Она знала это.

И всё равно впервые за долгое время ей захотелось улыбаться без всякой причины.

Вечером Клэр забрала детей из школы и отвезла их на занятия.

Эмма готовилась к школьному концерту, а Ной посещал кружок робототехники, где, по его словам, они собирались создать машину, способную заменить всех взрослых на планете.

— И что она будет делать? — спросила Клэр, останавливаясь у светофора.

— Всё.

— Например?

— Готовить, убирать, делать уроки и водить машину.

— А что тогда будешь делать ты?

Ной задумался.

— Играть.

— Великолепный жизненный план.

— Спасибо.

Эмма, сидевшая рядом с братом, фыркнула.

— Он даже не умеет завязывать шнурки.

— Зато моя машина сможет завязывать их за меня!

Клэр рассмеялась.

Она смотрела на детей в зеркало заднего вида и думала, что они действительно самое прекрасное, что случилось с ней в жизни.

Она помнила день рождения Эммы до мельчайших подробностей. Помнила, как впервые взяла дочь на руки, как боялась даже дышать слишком громко и как Фрэнк плакал, думая, что никто не видит его лица.

Помнила рождение Ноя, бессонные ночи, первые шаги, первые слова.

Ничего из этого не было иллюзией.

Ничего не было ошибкой.

Так почему же ей казалось, что где-то существует ещё одна история, которую она должна вспомнить?

— Мам?

Клэр моргнула.

— Что, солнышко?

— Ты опять задумалась.

Эмма смотрела на неё с переднего пассажирского сиденья.

— Я просто думаю о работе.

— Ты всегда так говоришь.

Клэр ничего не ответила.

Дочь отвернулась к окну, но через минуту снова заговорила:

— Ты ведь счастлива с папой?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Клэр едва не пропустила поворот.

Она остановилась на перекрёстке и посмотрела на дочь.

— Конечно, милая. Почему ты спрашиваешь?

Эмма пожала плечами.

— Не знаю. Вы в последнее время как будто меньше разговариваете.

Клэр почувствовала, как у неё холодеют ладони.

— Мы разговариваем.

— Да, но раньше вы смеялись больше.

Ной вмешался с заднего сиденья:

— Папа всё время смеётся. Он вчера смотрел видео, где человек упал с надувного фламинго, и смеялся минут десять.

— Ной!

— Что? Это правда.

Клэр рассмеялась, и дети тоже.

Но слова Эммы остались с ней.

Раньше вы смеялись больше.

Когда они с Фрэнком перестали смеяться?

Она не могла назвать конкретный день. Не помнила ссоры, после которой что-то изменилось. Не было предательства, обиды или катастрофы, которая расколола бы их жизнь на «до» и «после».

Просто однажды они стали меньше говорить о том, чего хотят.

Больше — о том, что нужно сделать.

Купить продукты. Оплатить счета. Записать детей к стоматологу. Выбрать отель. Проверить расписание.

Они научились быть отличной командой.

И, возможно, забыли, каково это — быть двумя людьми, которым просто хочется побыть вместе.

Клэр посмотрела на дочь.

— Знаешь что? — сказала она. — Давай сегодня вечером устроим семейный вечер. Без телефонов, без работы и без домашних заданий. Закажем пиццу и посмотрим фильм.

Ной вскинул руки.

— «Звёздные войны»!

— Нет, — одновременно сказали Клэр и Эмма.

— Это несправедливо!

— Мы голосуем, — сказала Клэр. — Демократия.

— Я против демократии!

Эмма захохотала.

И Клэр снова почувствовала, как вина поднимается внутри неё.

Она не хотела разрушать эту жизнь.

Не хотела причинять боль детям.

Не хотела делать Фрэнка несчастным.

Она просто хотела понять, почему собственное сердце вдруг начало жить по каким-то неизвестным ей правилам.

После ужина дети устроились в гостиной с огромной коробкой пиццы, а Фрэнк включил комедию, которую они все смотрели уже дважды.

На третьей минуте он начал повторять реплики вместе с актёрами.

На десятой Ной подавился лимонадом от смеха.

На двадцатой Эмма заснула, положив голову матери на плечо.

Клэр сидела между ними и улыбалась.

Фрэнк протянул ей кусочек пиццы.

— За семейный вечер.

— За семейный вечер, — повторила она.

Он поцеловал её в щёку.

И вдруг Клэр поняла, что хочет запомнить этот момент.

Не потому, что он был особенным.

А потому, что боялась однажды потерять его.

Она посмотрела на Фрэнка, на детей, на тёплый свет лампы, на разбросанные подушки и коробку с салфетками, которую Ной каким-то образом умудрился опрокинуть.

Это была её жизнь.

Она сама её выбрала.

И если теперь в ней появилась пустота, возможно, нужно было искать причину не в другом человеке, а в себе.

Клэр осторожно высвободилась из-под спящей Эммы и поднялась наверх.

В спальне она достала из ящика старую коробку с фотографиями. Они с Фрэнком иногда пересматривали её на годовщину свадьбы, но в последнее время до этого почему-то не доходило.

Клэр села на кровать и открыла крышку.

Вот они на выпускном. Фрэнк в тёмном костюме, она с распущенными волосами и огромным букетом белых роз.

Вот их первая квартира, в которой почти не было мебели.

Вот Эмма в роддоме.

Вот Ноя, совсем крошечный, спящий у отцовской груди.

Клэр улыбнулась.

Она помнила каждый снимок.

И всё же в глубине коробки нашлась фотография, которой она не помнила.

Небольшая, выцветшая, с загнутым уголком.

На ней была её мать, совсем молодая, лет двадцати пяти. Она стояла возле какого-то дома и держала на руках младенца, укутанного в белое одеяло.

На обратной стороне почерком матери было написано:

«Клэр. Октябрь».

Никакого года.

Клэр нахмурилась.

Она перевернула фотографию ещё раз, внимательно рассмотрела изображение.

Дом был ей незнаком. На заднем плане виднелась вывеска, но буквы расплылись от времени.

Она не знала, почему фотография оказалась в коробке с семейными снимками.

И почему никогда раньше не замечала её.

Клэр положила фотографию на колени и долго смотрела на лицо матери.

Затем взяла телефон.

Было почти десять вечера.

Она знала, что мать обычно ложится рано, но решила позвонить всё равно.

Гудки тянулись долго.

Наконец раздался знакомый голос:

— Клэр? Что случилось?

— Ничего, мам. Я просто хотела поговорить.

— В десять вечера? Ты меня пугаешь.

— Прости. Я не хотела.

— Ты заболела?

— Нет.

— Дети?

— Всё хорошо.

— Фрэнк?

Клэр закрыла глаза.

— Мам, почему ты сразу думаешь, что случилось что-то

плохое?

Мать помолчала.

— Потому что ты никогда не звонишь просто так.

Эти слова задели её сильнее, чем должны были.

— Значит, буду звонить чаще.

— Я буду рада, милая.

Клэр посмотрела на фотографию.

— Мам, я сегодня нашла одну старую фотографию.

— Какую?

— Где ты держишь меня на руках. На обратной стороне написано только моё имя и месяц — октябрь.

На другом конце провода стало тихо.

Не просто тихо.

Клэр вдруг поняла, что мать перестала дышать так, как дышала обычно, когда слушала её.

— Мам?

— Где ты её нашла?

Голос матери изменился.

Клэр выпрямилась.

— В коробке со старыми фотографиями. Почему?

— Ты уверена, что на ней я?

— Конечно. Это ты.

— Клэр, послушай меня…

Мать замолчала.

Клэр почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Что?

— Ничего. Просто… я давно не видела эту фотографию.

— Почему на ней нет даты?

— Я не помню.

— Мам, ты говорила, что я родилась с этим шрамом. Ты помнишь?

На этот раз молчание было ещё длиннее.

Клэр посмотрела на собственный живот, словно могла увидеть шрам сквозь ткань футболки.

— Мам?

— Да, дорогая. Я помню.

— Ты уверена, что он был у меня с рождения?

Мать тихо вздохнула.

— Клэр, почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

— Потому что я сегодня видела человека с точно таким же шрамом. И он не похож на родовую отметину.

— Что за человек?

— Пациент. Он не знает, откуда у него этот шрам. Но он выглядит точно так же, как мой.

Мать не ответила.

Клэр встала с кровати и подошла к окну.

Внизу, возле крыльца, горел фонарь. В его свете кружились мелкие насекомые, а за оградой тихо проехала машина.

— Мам, ты меня слышишь?

— Да.

— Тогда скажи мне правду.

— Какую правду?

— Откуда у меня этот шрам?

Мать долго молчала.

Потом произнесла тихо, почти шёпотом:

— Я не знаю, Клэр.

Клэр закрыла глаза.

Это было не то, чего она ожидала.

— Как это — не знаешь? Ты всегда говорила, что я родилась с ним.

— Я говорила то, что мне казалось правдой.

— Но теперь ты не уверена?

— Я… не хочу обсуждать это по телефону.

Клэр почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи лучше обсуждать лично.

— Мам, ты меня пугаешь.

— Прости, дорогая.

Клэр прижала телефон к уху.

— Я приеду к тебе в воскресенье.

— Хорошо.

— И мы поговорим.

— Хорошо, милая.

Мать попрощалась и отключилась.

Клэр ещё несколько секунд стояла у окна, глядя на своё отражение в тёмном стекле.

Она не получила ответа.

Но впервые за всю свою жизнь поняла, что её мать что-

то скрывает.

И, возможно, скрывает очень давно.

Внизу Фрэнк выключил телевизор и поднялся в спальню.

Он застал Клэр сидящей на кровати с телефоном в руках и старой фотографией на коленях.

— Всё в порядке?

Она подняла голову.

Ей хотелось рассказать ему обо всём. О Бенджамине, о шраме, о странном разговоре с матерью. Хотелось услышать его голос, почувствовать привычную уверенность, с которой он всегда умел разложить любую проблему на понятные части.

Но вместо этого она сказала:

— Я хочу в воскресенье съездить к маме.

— Конечно. Что-то случилось?

— Нет. Просто давно не виделись.

Фрэнк сел рядом.

— Хорошо. Поедем вместе, если хочешь.

— Нет, я, наверное, одна.

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Ладно.

Клэр положила фотографию обратно в коробку.

Фрэнк обнял её за плечи.

— Ты уверена, что всё хорошо?

Она кивнула.

Он поцеловал её в макушку и выключил ночник.

Через несколько минут его дыхание стало ровным.

Клэр лежала с открытыми глазами.

В голове снова звучал голос Бенджамина.

У вас когда-нибудь было ощущение, что вы скучаете по человеку, которого никогда не встречали?

Она повернулась на бок.

На тумбочке лежал телефон.

Клэр знала, что не должна этого делать.

Знала, что это ничего не изменит.

И всё же взяла его, открыла медицинскую карту и посмотрела на имя пациента.

Бенджамин Рид.

Она не стала звонить.

Не стала писать.

Просто несколько секунд смотрела на экран, словно надеялась, что имя само подскажет ей ответ.

Потом закрыла карту и положила телефон на место.

За окном поднялся ветер.

Старая яблоня тихо скрипнула ветвями.

Клэр закрыла глаза, но вместо сна перед ней возникла картина, которой она никогда не видела наяву.

Дождь.

Тёмная дорога.

Свет фар.

Мужской голос, произносящий её имя.

И чья-то рука, крепко сжимающая её пальцы.

Клэр резко села в постели.

Сердце колотилось.

Она посмотрела на Фрэнка. Он спал, ничего не замечая.

Клэр прижала ладонь к груди и попыталась успокоиться.

Это был всего лишь сон.

Всего лишь воображение.

Но когда она снова легла, в голове отчётливо прозвучало имя.

Не Бенджамин.

Не Фрэнк.

Самюэль.

И на этот раз Клэр была уверена, что не произнесла его сама.

Глава 3. Незнакомец

В четверг утром Клэр проснулась за минуту до звонка будильника.

Она не сразу поняла, что её разбудило. В спальне было тихо, за окном только начинало светать, а Фрэнк спал на спине, раскинув руки поверх одеяла. Всё выглядело совершенно обычно.

Затем она вспомнила сон.

Дождь. Дорога. Свет фар.

И голос, который звал её по имени.

Клэр закрыла глаза, надеясь, что образы исчезнут, но вместо этого перед ней возникло лицо мужчины.

Она не видела его целиком. Только глаза — тёмные, почти чёрные, и прядь волос, прилипшую ко лбу от дождя.

Майли.

Клэр резко открыла глаза.

Нет.

Она не могла позволить себе начинать утро с подобных мыслей. Ей предстояло работать, забирать детей из школы, готовить ужин и обсуждать с Фрэнком планы на выходные. Обычные дела. Обычная жизнь.

Она откинула одеяло и направилась в ванную.

У зеркала остановилась.

Шрам.

Она уже несколько дней не могла смотреть на него без ощущения, будто видит нечто чужое.

Клэр подняла футболку и осторожно провела пальцем по бледной отметине. Кожа вокруг была гладкой, рубец давно перестал быть чувствительным. Никаких необычных ощущений, никаких следов недавней травмы.

И всё же вчера, когда мать замолчала после её вопроса, Клэр поняла, что простого объяснения, возможно, никогда не существовало.

Она взяла телефон и открыла переписку с матерью.

Последнее сообщение было отправлено месяц назад: фотография детей на школьном празднике и короткая подпись.

«Посмотри, какие они у меня уже большие!»

Никаких намёков на тайны. Никаких тревожных слов.

Клэр пролистала переписку вверх, надеясь найти что-нибудь, что помогло бы ей успокоиться. Но там были только поздравления, семейные фотографии и бытовые разговоры.

Она закрыла телефон.

В воскресенье она поедет к матери.

И узнает правду.

По крайней мере, попытается.

На работе Клэр старалась вести себя так, словно ничего не произошло.

Она внимательно изучала результаты анализов, разговаривала с пациентами и отвечала на вопросы коллег. Только дважды поймала себя на том, что смотрит на часы.

В десять утра она позвонила в регистратуру.

— Марта, мне нужно уточнить кое-что по вчерашнему пациенту.

— Какому именно? У нас их вчера было семнадцать.

— Бенджамин Рид.

На другом конце провода воцарилась тишина.

— А-а-а, — протянула Марта.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Ты произнесла целую фразу одним звуком.

— У меня богатый словарный запас.

Клэр прикрыла глаза.

— Мне нужно узнать, записался ли он на обследование.

— Сейчас посмотрю.

Застучали клавиши.

— Да. На пятницу, одиннадцать тридцать.

— Хорошо. Спасибо.

— Клэр?

— Что?

— Ты ведь понимаешь, что если бы он был обычным пациентом, ты бы не звонила мне с таким вопросом?

Клэр помолчала.

— Он обычный пациент.

— Разумеется.

— Марта!

— Всё, молчу. Увидимся в коридоре.

Разговор закончился.

Клэр положила телефон на стол и некоторое время смотрела в окно.

Она не собиралась ничего предпринимать. Не собиралась искать встреч, задавать личные вопросы или пытаться разобраться в чувствах, которые не имели никакого смысла.

Но мысль о том, что завтра Бенджамин снова появится в клинике, почему-то принесла ей облегчение.

И это было гораздо хуже, чем просто любопытство.

В пятницу в половине одиннадцатого Клэр уже проверила расписание пациентов на дважды.

Бенджамин Рид должен был прийти через час.

Она убеждала себя, что это обычное волнение перед повторным осмотром. В конце концов, она хотела внимательно оценить его состояние и уточнить некоторые медицинские детали.

Ничего личного.

Ничего, что выходило бы за рамки её обязанностей.

— Ты собираешься встретить его с цветами? — спросила Марта, заглянув в кабинет.

Клэр бросила на неё предупреждающий взгляд.

— Я сейчас тебя уволю.

— Не можешь. Я слишком ценная сотрудница.

— К сожалению.

Марта рассмеялась и положила на стол папку.

— Вот его результаты. Всё, что успело прийти.

Клэр поблагодарила её и открыла документы.

Пока ничего тревожного. Некоторые показатели требовали дополнительного внимания, но повода для срочных вмешательств не было.

Она перечитала заключение, сделала пометку и закрыла папку.

Потом посмотрела на часы.

Одиннадцать двадцать.

— Господи, — прошептала она.

— Что? — спросила Марта.

— Ничего.

— Ты сегодня произносишь это слово чаще, чем обычно.

Клэр не успела ответить.

В коридоре послышались шаги, затем негромкий стук в дверь.

Она подняла голову.

— Войдите.

Дверь открылась.

На пороге стоял Бенджамин.

В сером свитере, с чуть растрёпанными волосами и знакомой улыбкой.

— Доброе утро, доктор Морган.

Клэр почувствовала, как сердце сделало странный, почти болезненный скачок.

— Доброе утро, мистер Рид.

Он приподнял бровь.

— Мистер Рид? После нашего вчерашнего разговора?

— Мы разговаривали по телефону позавчера.

— Значит, я уже заслужил повышение?

Клэр не удержалась от улыбки.

— Присаживайтесь, Бенджамин.

— Вот теперь другое дело.

Он сел напротив неё и положил на стол папку с результатами обследования.

Клэр сразу переключилась на работу.

Она задала несколько вопросов, уточнила характер боли и объяснила, какие дальнейшие действия необходимы. Бенджамин слушал внимательно, не перебивал и не пытался спорить.

Когда медицинская часть разговора закончилась, он вдруг посмотрел на неё с любопытством.

— Можно задать вам ещё один вопрос?

Клэр насторожилась.

— Если он касается вашего здоровья.

— Почти.

— Бенджамин.

— Хорошо, хорошо. Вы всегда были врачом?

Она моргнула.

— Нет. До этого я работала официанткой, занималась бухгалтерией и некоторое время преподавала французский.

Он рассмеялся.

— Значит, вы всегда были врачом.

— Именно.

— Я почему-то так и подумал.

Клэр улыбнулась, но тут же заметила, что Бенджамин смотрит на неё необычно внимательно.

— Что?

— Ничего.

— Вы постоянно говорите «ничего», когда явно хотите что-то сказать.

— Возможно, это профессиональная привычка. Я часто общаюсь с людьми, которые не хотят рассказывать о том, что их беспокоит.

— А вы всегда так хорошо их понимаете?

Клэр задумалась.

— Нет. Но я стараюсь слушать.

Бенджамин кивнул.

— Это редкое качество.

Она отвела взгляд.

Комплименты от пациентов не были для неё чем-то новым. Обычно она принимала их с улыбкой и сразу возвращалась к работе.

Но сейчас ей почему-то хотелось, чтобы он продолжал говорить.

Чтобы он не уходил.

Чтобы эти несколько минут растянулись на целый день.

Клэр положила руки на стол.

— Бенджамин, я хотела уточнить одну вещь.

Он сразу стал серьёзнее.

— Конечно.

— Ваш шрам. Вы говорили, что не помните, как он появился.

— Да.

— У вас есть какие-нибудь документы из детства? Медицинские карты, выписки, записи из приёмных семей?

Он задумался.

— Возможно. У меня осталась коробка со старыми бумагами. Я давно её не открывал.

— Вы могли бы посмотреть?

Бенджамин внимательно посмотрел на неё.

— Вы думаете, это важно?

Клэр подбирала слова осторожно.

— Я думаю, что происхождение такого повреждения стоит выяснить. Особенно если оно сопровождается неизвестными обстоятельствами.

Это было правдой.

Не всей правдой, но правдой.

— Хорошо, — сказал он. — Я посмотрю.

Он поднялся, собираясь уходить, но у двери остановился.

— Клэр?

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы ведь не против, если я спрошу кое-что не как пациент?

Клэр почувствовала, как внутри снова возникло это странное напряжение.

— Смотря что.

— Вы когда-нибудь бываете в кафе напротив клиники?

Она посмотрела на него.

— Иногда.

— Тогда, может быть, вы позволите мне угостить вас кофе? Не сегодня, если заняты. Просто когда-нибудь.

В кабинете стало тихо.

Клэр могла ответить совершенно спокойно. Могла сказать, что не встречается с пациентами вне работы. Могла напомнить ему, что замужем.

Она знала, что именно должна сказать.

— Я замужем, — произнесла она.

Бенджамин кивнул.

— Я заметил кольцо.

— У меня двое детей.

— Я не сомневаюсь, что у вас прекрасная семья.

Он сказал это без иронии, без вызова и без попытки поставить её в неловкое положение.

— Я не хотел вас обидеть, — добавил он. — Просто подумал, что с вами интересно разговаривать.

Клэр почувствовала укол стыда.

Потому что он не сделал ничего плохого.

Это она придавала их разговору значение, которого он, возможно, вовсе не имел.

— Я понимаю, — сказала она.

— Тогда будем считать, что я просто предложил кофе.

— Хорошо.

Он улыбнулся и вышел.

Клэр осталась сидеть за столом, глядя на закрывшуюся дверь.

Ей хотелось пойти за ним.

Не потому, что она собиралась принять приглашение.

Не потому, что хотела изменить Фрэнку.

Она просто хотела ещё раз услышать его голос.

И это было самым опасным желанием из всех.

В тот вечер Клэр задержалась в клинике почти до семи.

Она могла бы уехать раньше, но не хотела возвращаться домой с мыслями, которые сама не понимала.

Когда она наконец вышла на улицу, дождь уже закончился. Воздух был холодным и влажным, а на асфальте отражались огни витрин.

Клэр направилась к парковке.

— Клэр!

Она обернулась.

Бенджамин стоял у входа в кафе через дорогу. В одной руке он держал бумажный стаканчик, в другой — телефон.

Увидев её, он поднял стаканчик.

— Я не пытаюсь вас подкупить! — крикнул он. — Это просто кофе!

Клэр рассмеялась, несмотря на себя.

Он перешёл дорогу и остановился на безопасном расстоянии.

— Вы уже закончили?

— Да. А вы?

— Только что вышел из кафе. Решил проверить, не работаете ли вы круглосуточно.

— Почти.

— Тогда вам срочно нужен отпуск.

— Мне его уже назначили.

— Врачом?

— Мужем.

Бенджамин улыбнулся.

— Разумный человек.

Клэр опустила взгляд на стаканчик в его руке.

— Вы нашли документы?

Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Нет. Но я вспомнил кое-что.

— Что именно?

Он некоторое время молчал, словно решал, стоит ли рассказывать.

— Когда мне было лет семь или восемь, одна из приёмных матерей отвела меня к врачу. У меня тогда была высокая температура, и она решила, что шрам воспалился. Врач осмотрел меня, спросил, откуда он, а потом долго разговаривал с ней за закрытой дверью.

Клэр почувствовала, как холодеют пальцы.

— Вы слышали, о чём они говорили?

— Только одну фразу. Врач сказал, что такое повреждение не похоже на обычную детскую травму.

Она посмотрела на него.

— И что произошло потом?

— Ничего. Мне дали лекарство, температура спала. Через несколько дней я забыл об этом.

Бенджамин пожал плечами.

— Наверное, это ничего не значит.

Клэр не ответила.

Она вспомнила собственный шрам, слова матери и старую фотографию, на которой не было даты.

— Бенджамин, вы можете попробовать найти имя этого врача?

— Могу. Но я не уверен, что приёмная мать сохранила какие-то документы.

— Попробуйте.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Вы действительно хотите разобраться в этом?

Клэр могла бы соврать.

Но почему-то рядом с ним это казалось почти невозможным.

— Да, — ответила она. — Хочу.

Бенджамин медленно кивнул.

— Тогда я попробую.

Они некоторое время стояли молча.

Потом он посмотрел на часы.

— Мне пора. Завтра рано вставать.

— Конечно.

— Рад был вас увидеть, Клэр.

— Я тоже.

Он улыбнулся, развернулся и пошёл по улице.

Клэр смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Только тогда она поняла, что всё ещё держит в руках ключи от машины, хотя собиралась уехать ещё десять минут назад.

Она глубоко вдохнула холодный воздух.

Это была ошибка.

Она не должна была позволять себе подобные разговоры. Не должна была искать поводы увидеть его снова. Не должна была думать о человеке, который не имел никакого отношения к её жизни.

Но когда Клэр села за руль, она обнаружила, что улыбается.

И впервые за долгое время эта улыбка не имела ничего общего с вежливостью.

Дома Фрэнк готовил ужин.

Он стоял у плиты в старой футболке, с кухонным полотенцем на плече, и пытался одновременно следить за сковородой и отвечать на вопросы Ноя о школьном проекте.

— Мам! — крикнул Ной, заметив её в дверях. — Папа говорит, что робот не может сам принимать решения!

— Я этого не говорил, — возразил Фрэнк. — Я сказал, что ему нужны чёткие инструкции.

— Это одно и то же!

— Это совершенно разные вещи.

Клэр поставила сумку на стул.

— Я предлагаю сначала накормить робота, а потом спорить о его правах.

Ной засмеялся.

Фрэнк повернулся к ней и улыбнулся.

— Привет, дорогая.

Он подошёл, поцеловал её и забрал сумку.

Обычный жест.

Знакомый.

Любимый.

Клэр прижалась к нему на секунду дольше, чем обычно.

— Как прошёл день? — спросил он.

Она посмотрела на мужа.

В голове мелькнуло лицо Бенджамина.

Серые глаза. Тёплая улыбка. Вопрос о человеке, которого никогда не встречал.

— Нормально, — ответила Клэр.

Фрэнк кивнул и вернулся к плите.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри растёт тяжесть.

Он не заслуживал лжи.

Но она пока не знала, как сказать правду, не разрушив всё,

что они построили.

Ночью Клэр снова не спалось.

Она лежала в темноте и слушала, как Фрэнк дышит рядом. Потом осторожно поднялась, взяла телефон и открыла браузер.

В строке поиска она набрала:

«Может ли человек родиться со шрамом от проникающего ранения?»

Прочитала несколько статей.

Потом открыла медицинские справочники.

Затем начала искать старые публикации о травмах, полученных в автомобильных авариях.

Она не знала, что именно ищет.

Возможно, подтверждение собственной правоты.

Возможно, объяснение, которое вернёт её жизнь на привычные рельсы.

Или хотя бы причину перестать думать о Бенджамине.

Но чем больше она читала, тем сильнее понимала, что одного внешнего сходства недостаточно для каких-либо выводов. Одинаковые рубцы могут возникать по разным причинам, а точный механизм травмы нельзя определить только по внешнему виду.

Клэр отложила телефон.

Она знала это и без статей.

Ей нужны были документы. Факты. История, которую можно проверить.

Она открыла контакты и нашла номер матери.

Большой палец завис над кнопкой вызова.

Было почти полночь.

Клэр убрала телефон.

В воскресенье она поедет к ней.

И больше не станет откладывать разговор.

Она легла обратно и закрыла глаза.

Через несколько минут сон наконец начал одолевать её.

Но прежде чем провалиться в темноту, она услышала голос.

Тихий, незнакомый и в то же время удивительно родной.

— Майли, не бойся.

Клэр резко проснулась.

В комнате было темно.

Фрэнк спал рядом.

Она села на кровати и прижала ладонь ко рту.

На этот раз она не могла убедить себя, что просто произнесла чужое имя во сне.

Потому что вслед за голосом пришло ещё кое-что.

Ощущение сильных мужских рук, обнимающих её за плечи.

Запах мокрой земли.

И короткий, пронзительный звук автомобильного гудка.

Клэр включила ночник.

Сердце бешено колотилось.

Она посмотрела на шрам.

И впервые в жизни ей стало по-настоящему страшно.

Глава 4. Невозможное совпадение

В воскресенье Клэр проснулась с ощущением, что проспала что-то важное.

Она не сразу вспомнила, что именно.

Солнечный свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, на первом этаже звякала посуда, а из детской доносился возмущённый голос Ноя, который, судя по всему, снова не мог найти второй носок.

Всё было как обычно.

Только Клэр уже несколько ночей подряд видела сны, после которых не могла избавиться от чувства, будто кто-то пытается до неё достучаться.

Она села на кровати и потёрла лицо ладонями.

— Хватит, — прошептала она.

Собственный голос прозвучал неожиданно резко.

Клэр вздохнула, поднялась и направилась в ванную.

Она не собиралась больше искать ответы в интернете. Не собиралась читать медицинские статьи о проникающих ранениях и автомобильных авариях. Не собиралась придумывать объяснения тому, что пока не имело объяснения.

Сегодня она поговорит с матерью.

А потом вернётся домой, приготовит ужин, поможет детям с уроками и постарается забыть обо всём этом хотя бы на несколько дней.

План был разумным.

К сожалению, разумные планы редко переживают столкновение с реальностью.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я поехал с тобой? — спросил Фрэнк, когда Клэр спустилась на кухню.

Он стоял у кофемашины и изучал инструкцию к новой кофемолке, которую сам же купил накануне.

— Уверена. Я давно не была у мамы одна.

— Хорошо.

Он налил кофе в её любимую кружку и поставил перед ней тарелку с тостами.

— Передавай ей привет.

— Передам.

Фрэнк поцеловал её в макушку и снова повернулся к кофемолке.

Клэр смотрела на мужа и чувствовала себя предательницей.

Он даже не спросил, почему ей вдруг понадобилось ехать к матери без него. Не стал настаивать. Не устроил сцену.

Просто доверился ей.

И это доверие делало всё происходящее ещё тяжелее.

— Фрэнк?

— М-м?

— Ты когда-нибудь скрывал от меня что-нибудь важное?

Он медленно повернулся.

— Например?

Клэр пожалела о вопросе, едва произнесла его.

— Не знаю. Что-нибудь из прошлого. Что-то, о чём ты никогда не рассказывал.

Фрэнк отложил инструкцию.

— Клэр, мы вместе почти пятнадцать лет. Я уверен, что есть какие-то вещи, о которых мы просто не успели поговорить. Но ничего такого, что могло бы изменить нашу жизнь.

Она кивнула.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто задумалась.

Фрэнк внимательно посмотрел на неё.

— Ты в последнее время часто задумываешься.

Она попыталась улыбнуться.

— Наверное, возраст.

— Если это возраст, то мне пора начинать паниковать. Я старше тебя на четыре года.

— Всего на четыре.

— Именно. И я намерен провести следующие сорок лет, напоминая тебе, что ты вышла замуж за пожилого мужчину.

Клэр рассмеялась.

Он притянул её к себе и поцеловал.

На несколько секунд она позволила себе забыть обо всём остальном.

Потом взяла сумку, надела пальто и вышла из дома.

Мать жила в небольшом доме на окраине города, окружённом старым садом.

Клэр бывала здесь с детства, знала каждую трещину на дорожке, каждую скрипучую ступеньку крыльца и каждое дерево, которое отец когда-то посадил собственными руками.

После его смерти мать почти не меняла обстановку.

В гостиной всё ещё стояло старое кресло у окна. На каминной полке лежали фотографии, а в шкафу хранились книги, которые Клэр читала ещё в школе.

Когда она подъехала, мать уже ждала её у двери.

— Ты рано, — сказала она, обнимая дочь.

— Я обещала приехать.

— Я знаю. Просто думала, что ты приедешь после обеда.

Клэр заметила, что мать выглядит уставшей. Под глазами залегли тени, а пальцы нервно теребили край кардигана.

— Ты плохо спала?

— Ничего страшного. Возраст.

Клэр невольно улыбнулась.

— Значит, это наследственное.

— Не начинай.

Мать отступила в сторону.

— Проходи. Я приготовила чай.

Клэр сняла пальто и последовала за ней на кухню.

Некоторое время они говорили о детях, о погоде, о предстоящих праздниках. Мать расспрашивала об Эмме и Ное, интересовалась работой, рассказывала, что соседка наконец продала дом и переехала к дочери.

Обычный разговор.

Но Клэр замечала, что мать постоянно смотрит на неё так, словно хочет что-то сказать и не решается.

Наконец она поставила чашку на блюдце.

— Мам, нам нужно поговорить.

Мать замерла.

— Я так и думала.

Клэр достала из сумки старую фотографию.

— Я хочу знать, что произошло, когда я родилась.

Мать посмотрела на снимок и побледнела.

Не сильно. Но достаточно, чтобы Клэр заметила.

— Где ты её нашла?

— Я уже говорила. В коробке с фотографиями.

— Я думала, что потеряла её.

— Почему?

Мать осторожно взяла снимок, словно он мог рассыпаться у неё в руках.

— Потому что не хотела, чтобы ты когда-нибудь увидела его.

Клэр почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Почему?

Мать закрыла глаза.

— Дай мне немного времени.

— Мам, я не хочу ссориться. Я просто хочу понять, почему ты всю жизнь говорила мне, что я родилась с этим шрамом, а теперь не можешь подтвердить собственные слова.

Мать долго молчала.

Потом поднялась, подошла к шкафу и достала с верхней полки небольшую жестяную коробку.

Клэр никогда прежде не видела её.

— Здесь кое-что сохранилось, — сказала мать. — Я собиралась выбросить это много лет назад. Но не смогла.

Она поставила коробку на стол.

Внутри лежали пожелтевшие документы, несколько конвертов и старый браслет с маленькой серебряной подвеской.

Клэр взяла верхний лист.

Это была медицинская выписка.

Она прочитала дату, название больницы и несколько строк, написанных машинописным текстом.

Затем нахмурилась.

— Мам, это не мои документы.

Мать покачала головой.

— Нет.

— Чьи они?

— Я не знаю, как тебе объяснить.

— Тогда начни с самого начала.

Мать села напротив.

Она выглядела так, словно постарела за последние десять минут.

— Когда ты родилась, у меня были осложнения. Тебя сразу забрали на обследование. Я не могла держать тебя на руках почти сутки. Врачи говорили, что всё в порядке, но я очень боялась.

Клэр слушала, не перебивая.

— На следующий день мне принесли тебя. Ты была такой крошечной… — Мать улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. — Я заметила шрам, когда впервые купала тебя дома. Спросила у врача, откуда он. Мне сказали, что, возможно, это врождённая особенность. Я поверила.

— А потом?

Мать посмотрела на документы.

— Через несколько недель я получила письмо из больницы. В нём говорилось, что в документах могла возникнуть ошибка. Но когда я попыталась выяснить, что именно произошло, мне ответили, что всё проверили и поводов для беспокойства нет.

Клэр почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Ошибка в каких документах?

— Я не знаю.

— Ты не спросила?

— Спрашивала! — неожиданно резко ответила мать. — Я ездила туда несколько раз. Писала письма. Мне говорили, что архивы старые, что часть записей утеряна, что я неправильно поняла содержание письма. В конце концов я решила, что это какая-то административная путаница.

Она замолчала.

— А потом ты росла, — продолжила она тише. — Ты была здоровой, счастливой девочкой. Ты называла меня мамой. Ты обнимала меня. Ты смеялась. И я перестала задавать во-

просы.

Клэр смотрела на неё, не в силах произнести ни слова.

— Ты хочешь сказать, что я…

— Нет, Клэр. Я ничего не хочу сказать. Я ничего не знаю наверняка.

Мать взяла её за руку.

— Я люблю тебя. Ты моя дочь. Я растила тебя, я была рядом с тобой каждый день твоей жизни. Но если ты спрашиваешь, почему у тебя этот шрам, я не могу дать тебе ответ.

Клэр почувствовала, как к горлу подступил ком.

Она никогда не сомневалась в том, что мать её любит.

Но впервые задумалась о том, что любовь и биологическое родство не всегда означают одно и то же.

— Почему ты не рассказала мне раньше?

Мать опустила голову.

— Потому что боялась потерять тебя.

— Потерять меня? Мам, я твоя дочь!

— Я знаю.

— Тогда чего ты боялась?

Мать подняла на неё глаза.

В них стояли слёзы.

— Что однажды ты спросишь меня, кто ты на самом деле. А я не смогу ответить.

Клэр сжала её руку.

Она хотела разозлиться. Хотела обвинить мать в том, что та скрывала правду. Но, глядя на её лицо, понимала: эта жен-

щина действительно боялась.

Не за себя.

За дочь.

— Мам, я не собираюсь никуда уходить.

Мать закрыла лицо ладонями.

— Прости меня.

Клэр обняла её.

Некоторое время они сидели молча.

За окном шумел ветер, по стеклу скользили тени ветвей, а на кухне остывал чай.

Наконец Клэр отстранилась.

— Мне нужно узнать, что произошло в той больнице.

Мать кивнула.

— Я понимаю.

— Ты помнишь название врача, который занимался моими документами?

— Кажется, доктор Уитмор. Но это было очень давно.

Клэр записала имя в телефон.

Доктор Уитмор.

Больничные архивы.

Письмо об ошибке.

Это были первые конкретные зацепки, которые у неё появились.

И ни одна из них не объясняла, почему у Бенджамина был такой же шрам.

Когда Клэр вернулась домой, было уже темно.

Фрэнк встретил её на кухне.

— Ну как?

Она сняла пальто и положила сумку на стул.

— Сложно.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Что-то случилось?

Клэр хотела рассказать ему всё.

О документах. О письме из больницы. О страхе матери. О том, что она больше не уверена в истории собственного рождения.

Но почему-то не смогла.

Не потому, что не доверяла Фрэнку.

Просто пока сама не понимала, что именно узнала.

— Мы поговорили о прошлом, — ответила она. — О некоторых вещах, которые мама давно хотела мне рассказать.

Фрэнк подошёл ближе.

— Ты расстроена?

— Немного.

Он обнял её.

— Хочешь поговорить?

Клэр прижалась к нему.

— Позже. Хорошо?

— Конечно.

Он поцеловал её в лоб и отпустил.

— Ужин через десять минут. Дети уже трижды спросили,

где ты.

Клэр улыбнулась.

Она не хотела лгать мужу.

Но сейчас ей нужно было время.

Хотя бы немного.

В понедельник утром Бенджамин нашёл старую коробку с документами.

Она стояла на верхней полке шкафа в кладовой, за несколькими коробками с книгами и зимней одеждой.

Он не открывал её много лет.

В детстве ему казалось, что все эти бумаги не имеют никакого значения. В них не было фотографий родителей, писем от родственников или свидетельств о рождении, которые могли бы рассказать ему, откуда он появился.

Только справки, выписки и документы из приёмных семей.

Он опустил коробку на стол и снял крышку.

Сверху лежали старые медицинские карты.

Бенджамин перебирал их одну за другой, пока не наткнулся на лист с печатью городской больницы.

Дата была плохо различима.

Он поднёс документ ближе к свету.

Восемь лет.

Примерно столько ему было, когда одна из приёмных матерей отвела его к врачу из-за высокой температуры.

Бенджамин прочитал заключение.

Затем ещё раз.

Внизу страницы стояла короткая запись:

«Рубцовое повреждение правой боковой поверхности туловища. Происхождение не установлено. Требуется уточнение анамнеза».

Он провёл пальцем по строчке.

Ниже был указан номер старой медицинской карты.

И фамилия врача.

Уитмор.

Бенджамин медленно выпрямился.

Уитмор.

Он не знал, почему это имя показалось ему знакомым.

Возможно, просто потому, что слышал его много лет назад.

Но затем он вспомнил слова Клэр.

Она хотела узнать происхождение его шрама.

И впервые за долгое время Бенджамин почувствовал, что у него действительно может появиться ответ.

Он достал телефон и открыл контакты.

Номер клиники сохранился.

Он набрал его, но после нескольких гудков сбросил вызов.

Нет.

Сначала нужно было разобраться самому.

Бенджамин снова посмотрел на документ.

Внизу, почти у самого края страницы, стояла ещё одна отметка, которую он раньше не замечал.

Небольшая рукописная запись.

Всего несколько слов.

«См. материалы случая Уилсон».

Он перечитал их.

Уилсон.

Фамилия ничего ему не говорила.

Пока.

Бенджамин сфотографировал документ и отправил снимок себе на электронную почту.

Потом убрал бумаги обратно в коробку.

Он не знал, что означает эта запись.

Не знал, кто такой Уитмор.

И не знал, почему у него возникло ощущение, что он стоит на пороге чего-то гораздо большего, чем обычная медицинская загадка.

Но впервые в жизни ему захотелось узнать правду о собственном прошлом.

Не ради себя.

Ради женщины, которую он встретил всего несколько дней назад.

И которую почему-то уже боялся потерять.

Вечером Клэр сидела в кабинете и просматривала медицинские документы, когда на экране телефона появилось новое сообщение.

Номер был незнакомым.

Она открыла переписку.

«Клэр, я нашёл старую медицинскую карту. В ней есть упоминание о человеке по фамилии Уилсон. Вам знакомо это имя?»

Клэр перечитала сообщение.

Уилсон.

Она вспомнила коробку матери, старые документы и письмо из больницы.

Потом открыла фотографию, которую сделала в воскресенье, и увеличила изображение медицинской выписки.

На одном из листов внизу стояла та же фамилия.

Уилсон.

Совпадение показалось Клэр слишком точным, чтобы отмахнуться от него.

Два незнакомых человека.

Две старые медицинские карты.

Одна фамилия.

И два одинаковых шрама, происхождение которых никто не мог объяснить.

Она набрала ответ:

«Нет. Но я тоже нашла документы, в которых упоминается эта фамилия. Думаю, нам нужно поговорить».

Клэр нажала «Отправить».

Через несколько секунд пришёл ответ.

«Я тоже так думаю».

Она положила телефон на стол.

За окном медленно опускались сумерки.

Клэр посмотрела на своё отражение в тёмном стекле и вдруг почувствовала, что больше не может вернуться к прежней жизни, просто закрыв глаза.

Что-то произошло сорок лет назад.

Что-то, о чём она пока не знала почти ничего.

Но теперь у неё было имя.

Уилсон.

И почему-то ей казалось, что именно с него начнётся правда.

Глава 5. Имя из прошлого

В среду вечером Клэр снова открыла переписку с Бенджамином и перечитала его сообщение, полученное в понедельник.

«Я нашёл старую медицинскую карту. В ней есть упоминание о человеке по фамилии Уилсон. Вам знакомо это имя?»

Она сидела в машине на парковке клиники, хотя рабочий день закончился почти двадцать минут назад. Двигатель был выключен, стекло со стороны водителя запотело, а на соседнем месте кто-то оставил бумажный стаканчик из кофейни.

Обычный вечер.

Обычный город.

И сообщение, которое не давало ей спокойно дышать.

Клэр открыла фотографию документа, которую сделала у матери. На снимке почти ничего нельзя было разобрать, но фамилия читалась отчётливо. Она увеличила изображение, провела пальцем по экрану и снова посмотрела на запись.

Уилсон.

Возможно, это было распространённое имя. Возможно, никакой связи между документами не существовало. Возможно, оба они просто пытались найти закономерность там, где её не было.

Она повторила это про себя несколько раз.

Не помогло.

Телефон завибрировал.

Бенджамин: «Вы ещё на работе?»

Клэр посмотрела на часы.

Клэр: «Уже нет. Я в машине».

Ответ пришёл почти сразу.

Бенджамин: «Тогда не буду отвлекать. Просто хотел сообщить, что нашёл документы».

Она улыбнулась.

Он мог бы написать что-нибудь сухое, официальное, ограничиться одной фразой. Но вместо этого словно оставлял ей возможность не продолжать разговор, если она не хочет.

И почему-то именно это заставляло её отвечать.

Клэр: «Вы не отвлекаете. Где вы нашли карту?»

Бенджамин: «В коробке с документами из приёмной семьи. Там всё в таком состоянии, будто кто-то пытался уничтожить историю моей жизни, но передумал на полпути».

Клэр нахмурилась.

Клэр: «Вы думаете, документы намеренно испортили?»

Бенджамин: «Не знаю. Возможно, просто время. Бумага старая, некоторые страницы склеились. Но есть вещи, которые я раньше не замечал».

Она некоторое время смотрела на экран, обдумывая следующий вопрос.

Потом написала:

Клэр: «Нам нужно встретиться и сравнить документы».

Она отправила сообщение прежде, чем успела переду-

мать.

Ответ появился не сразу.

Бенджамин: «Согласен. Завтра?»

Клэр закрыла глаза.

Завтра.

Она могла отказаться. Сказать, что им следует общаться только в рамках медицинского обследования. Что у неё семья, муж и дети. Что она не собирается превращать медицинскую загадку в личную историю.

Вместо этого она набрала:

Клэр: «Завтра после работы. Но только поговорить о документах».

На этот раз ответ пришёл мгновенно.

Бенджамин: «Разумеется, доктор Морган».

Клэр рассмеялась.

И тут же перестала улыбаться.

Она положила телефон на пассажирское сиденье и завела двигатель.

Ей было тридцать восемь лет. Она умела принимать решения, несла ответственность за пациентов и растила двоих детей.

Она прекрасно понимала, что происходит.

По крайней мере, ей так казалось.

На следующее утро Фрэнк обнаружил жену за кухонным столом с открытым ноутбуком и чашкой давно остывшего кофе.

— Ты работаешь?

Клэр подняла голову.

— Нет. Ищу кое-что.

— Что именно?

Она на секунду задумалась.

— Старые медицинские архивы.

Фрэнк посмотрел на экран, где была открыта страница с информацией о городской больнице.

— Зачем?

— Помнишь, я рассказывала, что у меня странный шрам?

— Конечно.

— Я хочу понять, откуда он.

Фрэнк сел напротив.

— А разве твоя мама не говорила, что ты родилась с ним?

Клэр почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Говорила. Но теперь она не уверена.

— Не уверена в чём?

— В том, что он был у меня с рождения.

Фрэнк нахмурился.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что у тебя есть какой-то неизвестный медицинский случай?

— Возможно.

Он несколько секунд молчал, затем протянул руку и накрыл её ладонь своей.

— Клэр, если тебя что-то беспокоит, давай разберёмся. Ты можешь обратиться к специалисту, запросить документы.

Что угодно. Но не накручивай себя.

Она посмотрела на него.

— Я не накручиваю себя.

— Хорошо.

Фрэнк улыбнулся.

— Тогда я буду считать, что у моей жены появился новый научный проект.

— Примерно так.

— Только обещай, что не забудешь поесть.

Он поднялся, поцеловал её и ушёл собирать детей.

Клэр снова посмотрела на экран.

Она не рассказала ему о Бенджамине.

Не рассказала, что собирается встретиться с ним вечером.

И впервые эта маленькая недосказанность показалась ей гораздо серьёзнее, чем должна была.

В три часа дня Клэр получила звонок из лаборатории.

Результаты анализов Бенджамина были готовы. Ничего экстренного не обнаружилось, но врач, проводивший обследование, рекомендовал дополнительную консультацию.

Клэр внесла данные в карту и попросила регистратуру сообщить пациенту о необходимости повторной консультации. Затем она попросила коллегу взять дальнейшее наблюдение Бенджамина на себя: после того как их общение стало выходить за рамки обычного приёма, ей было важно сохранить профессиональную дистанцию.

Затем открыла расписание.

Следующее свободное время было только через несколько дней.

Дальнейшее наблюдение Бенджамина уже взял на себя коллега.

Это было бы разумно.

Клэр позвонила Бенджамину только для того, чтобы сообщить результаты назначенных ею анализов и объяснить, что дальнейшее обследование проведёт другой врач.

— Добрый день, — ответил он после второго гудка.

— Это доктор Морган. Ваши результаты готовы.

— И что они говорят?

— Ничего, что требовало бы срочных мер. Дальнейшую консультацию проведёт мой коллега, который объяснит результаты подробнее и даст рекомендации.

— Хорошо. Тогда буду ждать звонка из регистратуры.

Клэр сделала пометку в карте, чтобы регистратура связалась с ним.

— Да, вам предложат время для консультации.

— Отлично.

Она сделала паузу.

— И ещё… По поводу документов. Мы можем встретиться сегодня вечером, если вам удобно.

— Конечно.

Он ответил так быстро, что Клэр невольно улыбнулась.

— В семь?

— В семь.

— В кафе напротив клиники?

— Я знаю одно место получше, — сказал Бенджамин. — Там тихо, и никто не пытается угадать, почему два человека рассматривают старые медицинские карты за чашкой кофе.

Клэр рассмеялась.

— Хорошо. Но только документы.

— Я уже понял, доктор Морган.

Она положила трубку.

И только после этого осознала, что весь разговор улыбалась.

Кафе находилось на тихой улице в старой части города, в двух кварталах от набережной. Клэр бывала там несколько раз, но никогда не обращала особого внимания на интерьер. Теперь она заметила деревянные столы, старые фотографии на стенах и большую лампу над стойкой, свет которой делал помещение почти домашним.

Бенджамин уже ждал её у окна.

Перед ним лежала картонная папка.

Когда Клэр вошла, он поднялся.

— Вы пришли.

— Я обещала.

— Люди иногда обещают вещи, которые не собираются выполнять.

Она сняла пальто и села напротив него.

— Вы всегда так пессимистично настроены?

— Только по понедельникам.

— Сегодня четверг.

— Тогда я делаю исключение.

Клэр улыбнулась.

К ним подошла официантка. Они заказали кофе, а затем Бенджамин открыл папку.

— Вот что я нашёл.

Он достал несколько листов и разложил их на столе.

Первым был медицинский осмотр, проведённый, когда ему было около восьми лет. Вторым — выписка из приёмной семьи. Третьим — лист с несколькими рукописными пометками.

Клэр внимательно изучила документы.

— Здесь указана больница Святого Андрея, — сказала она. — Она до сих пор работает.

— Я проверил. Здание расширили, часть отделений переехала, но архив должен сохраниться.

Она перевернула страницу.

— А это что?

Бенджамин наклонился ближе.

— Не знаю. Я раньше не замечал эту запись.

Внизу листа, рядом с печатью, стояла короткая фраза:

«Связанные материалы: дело Уилсон. Передать доктору Уитмору».

Клэр почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Уитмор, — тихо произнесла она.

Бенджамин посмотрел на неё.

— Вам знакомо это имя?

— Моя мама упоминала врача с такой фамилией. Он занимался моими документами после рождения.

Он медленно выпрямился.

— Вы серьёзно?

— Да.

Несколько секунд они молчали.

Затем Бенджамин достал телефон и открыл фотографию другого документа.

— Здесь есть ещё кое-что.

Он увеличил изображение.

На старом листе была видна дата и несколько строчек, большая часть которых расплылась. Но в самом низу сохранилась запись:

«Пациент: Самюэль Уилсон».

Клэр перестала дышать.

Самюэль.

Имя, которое она произнесла во сне.

Имя, которое возвращалось к ней снова и снова, словно принадлежало человеку, которого она знала всю жизнь.

Она почувствовала, что пальцы начинают дрожать.

— Клэр? — тихо спросил Бенджамин.

Она подняла глаза.

— Откуда у вас этот документ?

— Он был прикреплён к медицинской карте. Я не знаю, почему. Возможно, его случайно подшили не туда.

Клэр снова посмотрела на имя.

— Самюэль Уилсон…

Она произнесла его почти беззвучно.

Бенджамин внимательно наблюдал за ней.

— Вы знаете этого человека?

Клэр покачала головой.

— Нет.

Она замолчала.

Потом добавила:

— Но я слышала это имя.

— Где?

Клэр посмотрела в окно.

По тротуару шла женщина с маленькой собакой. У входа в кафе остановился велосипедист. Официантка несла поднос с чашками.

Обычная жизнь продолжалась вокруг них, словно ничего особенного не происходило.

— Во сне, — сказала Клэр.

Бенджамин не улыбнулся.

Не стал шутить.

Он просто кивнул, словно подобный ответ не казался ему невозможным.

— Я тоже, — произнёс он.

Клэр медленно повернулась к нему.

— Что?

— Мне несколько раз снился мужчина, которого я нико-

гда не видел. Он стоял на дороге под дождём. Иногда я слышал, как кто-то зовёт его по имени. Но каждый раз просыпался прежде, чем мог разобрать слова.

Клэр почувствовала, что ей становится трудно дышать.

— И вы не знаете, кто это?

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Но вчера ночью мне впервые удалось услышать имя.

Клэр вцепилась пальцами в край стола.

— Какое?

Бенджамин помедлил.

— Самюэль.

Они замолчали.

Между ними стояли две чашки кофе, раскрытая папка и несколько пожелтевших листов бумаги.

Впервые за всё время Клэр не пыталась найти рациональное объяснение.

Она просто смотрела на Бенджамина и понимала, что он тоже напуган.

Не меньше, чем она.

Они провели в кафе почти два часа.

Сначала обсуждали документы. Потом пытались восстановить даты, сопоставить названия больниц и понять, каким образом материалы разных пациентов оказались связаны между собой.

Постепенно разговор стал менее официальным.

Бенджамин рассказал, что после восемнадцати лет несколько раз пытался найти биологических родителей. Обращался в службы, отправлял запросы, искал фамилии в старых базах данных. Но всякий раз сталкивался с неполными записями или отказами предоставить информацию.

— В какой-то момент я решил, что это бессмысленно, — признался он. — У меня была работа, друзья, отношения. Я хотел жить настоящим, а не тратить годы на попытки найти людей, которые, возможно, никогда не хотели меня знать.

— Вы не думали, что они могли потерять вас?

— Думал. Но если постоянно жить надеждой, можно однажды обнаружить, что вся жизнь прошла в ожидании.

Клэр посмотрела на него.

В этих словах было что-то знакомое.

Она тоже всю жизнь ждала чего-то, не понимая чего именно.

— А ваши отношения? — спросила она. — Вы говорили, что пытались построить серьёзные отношения.

Бенджамин улыбнулся, но в его глазах мелькнула грусть.

— Были женщины, которых я любил. Или думал, что любил. Я всегда старался быть хорошим партнёром. Не исчезал без объяснений, не изменял, не давал обещаний, которые не мог выполнить. Но рано или поздно наступал момент, когда я понимал, что чего-то не хватает.

— Чего?

— Не знаю. Иногда казалось, что я всё время сравниваю

реального человека с каким-то образом в собственной голове. Это нечестно по отношению к женщинам, с которыми я встречался. Они были замечательными. Просто я не мог объяснить, почему не чувствую себя дома рядом с ними.

Клэр опустила взгляд на чашку.

— А сейчас?

Бенджамин не ответил сразу.

— Сейчас мне страшно, — сказал он наконец. — Потому что я не знаю, что всё это значит. Но когда я разговариваю с вами, у меня возникает ощущение, что я наконец перестал кого-то искать.

Клэр почувствовала, как сердце сжалось.

Она должна была остановить этот разговор.

Напомнить ему, что она замужем. Что между ними нет будущего. Что любые странные совпадения не меняют её обязательств перед семьёй.

Но вместо этого она спросила:

— Вы ведь почти ничего обо мне не знаете. Как можно чувствовать такое к человеку, которого едва знаешь?

Бенджамин посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не утверждаю, что знаю вас. Я говорю, что рядом с вами чувствую себя так, словно мы уже однажды разговаривали. Долго. Очень давно.

Клэр отвернулась.

За окном начинал моросить дождь.

— Мне нужно идти, — сказала она.

Бенджамин сразу кивнул.

— Конечно.

Он не попытался её остановить. Не стал просить остаться.

И почему-то это было труднее всего.

Клэр собрала документы, убрала телефон в сумку и поднялась.

— Я напишу вам, когда узнаю что-нибудь о больничном архиве.

— Хорошо.

Они вышли из кафе вместе.

На улице было холодно. Клэр подняла воротник пальто и направилась к парковке.

— Клэр!

Она обернулась.

Бенджамин стоял у входа, засунув руки в карманы куртки.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто я пытаюсь разрушить вашу жизнь.

Она молчала.

— Я понимаю, что вы замужем. И я уважаю это. Но я не могу делать вид, что ничего не чувствую, только потому, что не понимаю причин.

Клэр почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я тоже не понимаю, — прошептала она.

Он кивнул.

— Тогда, наверное, нам обоим придётся выяснить правду.

Клэр ничего не ответила.

Она села в машину и закрыла дверь.

Несколько секунд смотрела на Бенджамина через стекло.

Потом завела двигатель и уехала.

Но на этот раз она не испытывала облегчения от того, что встреча закончилась.

Она чувствовала, что оставила там что-то важное.

Что-то, без чего теперь будет трудно дышать.

Дома Фрэнк ждал её с ужином.

Дети уже поели и разошлись по комнатам. На кухне горел свет, а на столе стояли две тарелки и бутылка красного вина.

— Ты задержалась, — сказал он.

Клэр сняла пальто.

— Прости. Нужно было кое-что обсудить.

— С мамой?

Она замерла.

— Нет. По работе.

Фрэнк посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Ты опять работала?

— Не совсем.

Он не стал задавать новых вопросов. Просто налил ей вина и подвинул тарелку.

Клэр села напротив.

Она чувствовала себя так, словно весь вечер несла на плечах тяжёлый груз и теперь не могла его сбросить.

— Фрэнк, — начала она.

Он поднял глаза.

— Да?

Она посмотрела на него и поняла, что не может продолжать.

Не сегодня.

Не сейчас.

— Спасибо за ужин.

Фрэнк улыбнулся.

— Всегда пожалуйста.

Он потянулся через стол и взял её за руку.

— Ты знаешь, что можешь рассказать мне всё?

Клэр кивнула.

И снова солгала.

В ту ночь Бенджамин тоже не мог уснуть.

Он лежал на диване в гостиной, потому что не хотел включать свет в спальне и мешать собственному сну ещё больше. На журнальном столике лежали старые документы, а рядом стоял ноутбук с открытой страницей городской больницы Святого Андрея.

Он нашёл адрес архива и номер телефона.

Завтра он позвонит.

Узнает, сохранились ли материалы дела Уилсон.

Узнает, кто такой Самюэль.

И, возможно, наконец поймёт, почему всю жизнь чувствовал себя человеком, который опоздал на собственную судьбу.

Он взял один из документов и снова посмотрел на фами-

лию.

Уилсон.

Потом закрыл глаза.

И увидел дорогу.

Дождь.

Старый автомобиль с разбитым лобовым стеклом.

Женскую руку, сжатую в его ладони.

Он пытался закричать, но не мог.

Пытался повернуться к ней, но тело не слушалось.

А потом услышал голос.

— Самюэль…

Бенджамин резко сел.

Он дышал тяжело, ладони были влажными, а сердце колотилось так, словно он только что пережил настоящую катастрофу.

На столике лежала фотография документа.

Он схватил её и поднёс к свету.

В нижней части страницы, рядом с фамилией Уилсон, стояла ещё одна запись, которую он не заметил раньше.

«Дата происшествия: 18 октября. Автомобильная катастрофа. Двое пострадавших».

Год был почти полностью стёрт.

Сохранились только последние две цифры.

86.

Бенджамин долго смотрел на них.

Затем взял телефон и открыл переписку с Клэр.

Он хотел написать ей немедленно.

Но не знал, как объяснить то, что только что увидел.

И почему дата происшествия казалась ему такой знакомой.

Он положил телефон на стол.

Потом снова взял его.

Набрал сообщение.

«Клэр, я нашёл кое-что ещё. Кажется, это связано с автомобильной аварией в 1986 году. Завтра нам нужно поговорить».

Он нажал «Отправить».

Через минуту на экране появилось уведомление о прочтении.

Ответа не было.

Бенджамин откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Он не знал, что в этот самый момент Клэр тоже сидит без сна в собственной спальне, глядя на телефон.

И что она только что вспомнила дату, которую никогда не могла объяснить.

18 октября.

День, когда её мать каждый год становилась особенно тихой.

День, когда в доме никогда не включали музыку.

День, о котором Клэр однажды спросила в детстве, но получила ответ, который давно забыла.

«Некоторые даты лучше не вспоминать, милая».

Клэр открыла глаза.

Завтра она позвонит матери.

И на этот раз потребует ответа.

Потому что теперь речь шла не просто о странном шраме.

Речь шла о двух людях, которые, возможно, были связаны задолго до того, как встретились.

И о трагедии, которая произошла сорок лет назад.

Трагедии, о которой почти никто уже не говорил.

Глава 6. Человек, которого я будто знаю

В пятницу утром Клэр проснулась от запаха подгоревших тостов.

Она открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, почему ей так тревожно. Потом вспомнила сообщение Бенджамина.

«Кажется, это связано с автомобильной аварией в 1986 году. Завтра нам нужно поговорить».

Она прочитала его накануне почти в полночь, но ответить не смогла. Не потому, что не хотела. Просто впервые за всё время у неё возникло ощущение, что любое сообщение, любой звонок, любой шаг может изменить её жизнь.

Клэр потянулась к телефону.

Новое сообщение.

Бенджамин: «Доброе утро. Простите, что написал так поздно. Я собираюсь позвонить в архив больницы. Если узнаю что-нибудь, сообщу вам».

Она улыбнулась.

Клэр: «Доброе утро. Я тоже собираюсь позвонить маме. Возможно, она вспомнит что-нибудь о той дате».

Ответ пришёл через несколько секунд.

Бенджамин: «Тогда удачи нам обоим».

Клэр положила телефон на тумбочку.

— Мама! — крикнул снизу Ноя. — Папа сжёг завтрак!

— Я не сжёг завтрак! — возмутился Фрэнк. — Я слегка перестарался с температурой.

— Он чёрный!

— Это карамелизация!

Клэр рассмеялась и встала с кровати.

На несколько мгновений тревога отступила. Она вспомнила, как Фрэнк когда-то пытался приготовить ей романтический завтрак и умудрился устроить небольшое задымление на кухне. Тогда они только начинали встречаться, и она смеялась так сильно, что не могла есть.

Он был первым мужчиной, рядом с которым ей никогда не приходилось притворяться.

Именно поэтому происходящее с Бенджамином пугало её ещё сильнее.

Она не искала другого человека.

Не хотела никого искать.

Но теперь, когда в её жизни появился Бенджамин, Клэр впервые за долгие годы начала задавать себе вопросы, которые раньше даже не приходили ей в голову.

И ни на один из них у неё не было ответа.

— Ты сегодня вечером свободна? — спросил Фрэнк за завтраком.

Клэр подняла глаза от чашки.

— Вроде бы да. А что?

— Я забронировал столик в новом ресторане на набережной. Помнишь, ты говорила, что хочешь туда сходить?

Она помнила.

Они обсуждали этот ресторан ещё месяц назад, когда возвращались с семейного ужина. Фрэнк тогда пообещал, что обязательно сводит её туда.

— Помню.

— Я подумал, что нам не помешает вечер вдвоём. Без детей, без работы и без разговоров о том, что нужно купить на следующей неделе.

Клэр посмотрела на него.

Он улыбался, но в его взгляде было что-то настороженное. Словно он пытался понять, почему жена в последнее время всё чаще уходит в себя.

— Отличная идея, — сказала она.

Фрэнк заметно расслабился.

— Тогда договорились. Я попрошу маму забрать детей после школы.

Клэр почувствовала укол вины.

Сегодня вечером она собиралась встретиться с Бенджамином, если тот получит ответ из архива. Она сама предложила поговорить о документах и теперь не знала, как отказаться, не объясняя причин.

— Фрэнк…

Он поднял голову.

— Что?

— Я не уверена, что смогу сегодня вечером. Возможно, задержусь в клинике.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Опять?

— Мне нужно разобраться с одним случаем.

— Клэр, ты работаешь почти каждый день. Даже по выходным проверяешь какие-то документы. Я не жалуюсь, но мне казалось, что мы договорились провести этот вечер вместе.

Она опустила взгляд.

— Прости. Я постараюсь освободиться.

Фрэнк некоторое время молчал.

— Хорошо. Дай мне знать.

Он поднялся, забрал свою чашку и направился к раковине.

Клэр смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри растёт тяжесть.

Ещё неделю назад она бы без колебаний отменила любые планы ради вечера с мужем. Она бы сама предложила ресторан, выбрала одежду и весь день предвкушала их свидание.

Теперь же мысль о том, что она не увидит Бенджамина, вызывала у неё почти физическое разочарование.

Она ненавидела себя за это.

И всё равно не могла перестать думать о нём.

В клинике день начался с неприятного сюрприза.

Марта сообщила, что один из врачей заболел, и Клэр при-

дётся принять нескольких его пациентов.

— Я бы с удовольствием помогла, — сказала медсестра, раскладывая документы на столе, — но у меня сегодня комиссия по оборудованию. Если я не явлюсь, нас всех ждёт увлекательное совещание на три часа.

— Ты умеешь утешить человека.

— Я стараюсь.

Клэр открыла расписание.

Приём был расписан почти до шести вечера.

Она вздохнула.

— Ладно. Разберёмся.

Первые несколько часов прошли в привычной суете. Клэр осматривала пациентов, заполняла карты и отвечала на звонки. Иногда ей казалось, что она наконец перестала думать о Бенджамине.

Но стоило появиться короткой паузе, как мысли возвращались.

Она вспоминала его улыбку, манеру наклонять голову, когда он внимательно слушал, и то, как он произнёс её имя в кафе.

Словно оно было ему знакомо.

Словно он произносил его не впервые.

В половине первого Клэр вышла в коридор, чтобы налить себе воды.

У окна стояла молодая женщина с младенцем на руках. Ребёнок плакал, а мать пыталась успокоить его, тихо напевая

какую-то мелодию.

Клэр остановилась.

Мелодия была незнакомой.

По крайней мере, она никогда не помнила, чтобы слышала её раньше.

Но стоило женщине повторить несколько нот, как Клэр вдруг почувствовала странное тепло в груди.

Она знала эту песню.

Знала так же отчётливо, как собственное имя.

— Простите, — сказала она, не удержавшись. — Что это за мелодия?

Женщина подняла голову.

— Колыбельная. Моя бабушка пела её мне, когда я была маленькой. Я даже не знаю, откуда она её взяла.

— Можно ещё раз?

Женщина удивлённо улыбнулась и снова напела несколько нот.

Клэр почувствовала, как по спине пробежал холодок.

В голове вспыхнул короткий образ: маленькая комната, жёлтый свет настольной лампы, женские руки, поправляющие одеяло.

И голос.

«Спи, моя радость, за окнами дождь…»

Клэр резко отступила.

— Вам плохо? — спросила женщина.

— Нет. Простите. Просто вспомнила кое-что.

Она быстро вернулась в кабинет и закрыла дверь.

Сердце колотилось.

Она не могла объяснить, почему эта мелодия вызвала у неё такую реакцию. Возможно, мать действительно пела её в детстве, а Клэр просто забыла.

Но почему тогда вместе с мелодией возник образ комнаты, которой она никогда не видела?

И почему в этом воспоминании она была не ребёнком, а взрослой женщиной?

Клэр села за стол и закрыла глаза.

Ей нужно было отдохнуть.

Хотя бы пять минут.

Но телефон завибрировал прежде, чем она успела успокоиться.

Бенджамин: «Я дозвонился в архив».

Клэр немедленно открыла сообщение.

Клэр: «И что вам сказали?»

Ответ пришёл через минуту.

Бенджамин: «Дело Уилсон действительно существует. Но его нельзя получить по телефону. Мне предложили прийти лично и подтвердить личность».

Клэр выдохнула.

Это было первое подтверждение того, что они не зря тратили время.

Клэр: «Вы собираетесь туда?»

Бенджамин: «Да. Завтра утром».

Она посмотрела на расписание.

Завтра у неё был выходной.

Клэр могла поехать вместе с ним.

Но это означало бы провести ещё несколько часов рядом с человеком, к которому она уже чувствовала нечто гораздо более сильное, чем обычное любопытство.

Она набрала ответ.

Стёрла.

Снова набрала.

Клэр: «Я могу поехать с вами, если вы не против. Возможно, мне тоже удастся получить информацию о собственных документах».

Бенджамин ответил почти сразу.

Бенджамин: «Буду рад вашей компании».

Клэр отложила телефон.

И впервые за последние дни почувствовала не тревогу, а предвкушение.

В шесть вечера она наконец закончила приём.

Уставшая, голодная и с тяжёлой головой, Клэр вышла из клиники и направилась к машине.

Она собиралась позвонить Фрэнку и сказать, что задержалась, когда услышала знакомый голос.

— Клэр!

Бенджамин стоял у небольшого кафе через дорогу.

На нём была тёмная куртка, а в руках он держал два бумажных пакета.

— Вы что здесь делаете? — спросила она, переходя улицу.

— Спасаю вас от голодной смерти.

Он поднял пакеты.

— Я подумал, что вы наверняка забыли пообедать.

Клэр остановилась.

— Откуда вы знаете?

— Потому что в прошлый раз вы выпили два кофе и съели половину печенья. Я решил, что сегодня история повторится.

Она рассмеялась.

— Вы следите за моими пищевыми привычками?

— Только в медицинских целях.

— Это звучит подозрительно.

— Я готов принять обвинение.

Клэр посмотрела на пакеты.

— Что там?

— Сэндвичи. Один с курицей, другой с сыром. Я не знал, какой вы предпочитаете.

— С сыром.

— Прекрасно. Значит, второй достанется мне.

Они сели за столик у окна.

Клэр сняла пальто и взяла сэндвич.

— Спасибо. Это очень мило.

— Не за что.

Бенджамин откусил свой сэндвич и некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Вы когда-нибудь были в Бостоне?

Клэр подняла глаза.

— Нет. Почему?

— Просто подумал, что вы могли там учиться или работать.

— Нет. Я всю жизнь прожила здесь, за исключением нескольких поездок.

Он кивнул.

— А мне почему-то казалось, что вы любите большие города.

— Почему?

— Не знаю. У вас есть что-то такое… — Он замолчал, подбирая слова. — Выглядите человеком, которому иногда тесно в маленьком городе.

Клэр медленно опустила сэндвич.

Это было настолько близко к правде, что она не сразу нашлась с ответом.

— Возможно, вы правы.

— Тогда почему остались?

Она посмотрела в окно.

На улице дети катались на самокатах, пожилая пара неспешно переходила дорогу, а возле цветочного магазина мужчина выбирал букет.

Обычная жизнь.

Её жизнь.

— Потому что здесь моя семья, — ответила она. — Муж, дети, дом. Я не могу просто взять и уехать.

— Я понимаю.

Бенджамин не стал задавать новых вопросов.

И Клэр была ему благодарна.

Она вдруг осознала, что рядом с ним ей не нужно постоянно объяснять свои чувства. Он не пытался убедить её, что она должна быть счастливой, не говорил, что ей не на что жаловаться, и не предлагал немедленно изменить жизнь.

Он просто слушал.

И это было непривычно.

— А вы? — спросила она. — Почему остались здесь?

Бенджамин пожал плечами.

— Наверное, потому что однажды мне стало спокойно.

— И это всё?

— Разве этого мало?

Клэр задумалась.

— Наверное, нет.

Он улыбнулся.

— Я долго переезжал с места на место. Сначала из одной приёмной семьи в другую, потом учёба, работа, отношения. В какой-то момент я устал постоянно искать место, где мне будет хорошо.

— И нашли его здесь?

— В каком-то смысле.

Он посмотрел на неё.

— Хотя иногда мне кажется, что я всё ещё ищу что-то другое.

Клэр почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она знала это ощущение.

Знала его слишком хорошо.

Когда они вышли из кафе, уже стемнело.

Бенджамин предложил проводить её до машины, и Клэр согласилась.

Они шли медленно, разговаривая о пустяках. О музыке, которую слушали в подростковом возрасте. О фильмах, которые могли пересматривать бесконечно. О том, как оба терпеть не могут людей, которые разговаривают в кинотеатре.

— Вы не похожи на человека, который слушает тяжёлую музыку, — заметила Клэр.

— А на кого я похож?

— Не знаю. На человека, который слушает джаз.

Бенджамин рассмеялся.

— У меня есть несколько джазовых пластинок. Но вообще я люблю всё, что заставляет чувствовать.

— Даже попсу?

— Особенно попсу. Иногда хорошая поп-песня способна разбить сердце сильнее, чем любая симфония.

Клэр остановилась.

— Господи.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Я только что подумала ровно то же самое.

Бенджамин улыбнулся.

— Видите? Мы уже нашли общий язык.

Они снова пошли вперёд.

Через несколько минут Клэр вдруг вспомнила одну песню, которую любила в юности. Она не могла вспомнить название, но помнила мелодию и несколько слов.

— Подождите, — сказала она. — Вы случайно не знаете песню, в которой есть строчка про дождь и поезд?

Бенджамин остановился.

— Про дождь и поезд?

— Да. Кажется, старая песня. Может быть, семидесятых или восьмидесятых годов.

Он задумался.

Потом тихо напел несколько нот.

Клэр замерла.

Это была та самая мелодия.

Не колыбельная, которую она услышала в клинике.

Другая.

Та, что только что всплыла в её памяти.

Бенджамин перестал петь.

— Вы её знаете?

Клэр медленно покачала головой.

— Нет. То есть… да. Я не знаю.

Она закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающий образ.

Комната.

Дождь за окном.

Старый проигрыватель.

Мужчина, сидящий на полу рядом с ней и смеющийся над чем-то совершенно незначительным.

Она не могла увидеть его лицо.

Но знала, что он рядом.

И что ей хорошо.

Клэр резко открыла глаза.

— Простите. Я не понимаю, что со мной происходит.

Бенджамин смотрел на неё с тревогой.

— Вам нужно присесть?

— Нет.

— Клэр…

— Всё в порядке.

Она произнесла это слишком быстро.

Потом посмотрела на него.

— Вы тоже вспомнили эту песню?

Он кивнул.

— Да.

— Откуда?

Бенджамин провёл ладонью по волосам.

— Не знаю. Я услышал её в голове, когда вы начали говорить о дожде и поезде. Но я уверен, что никогда раньше не напевал её.

Они стояли посреди тротуара, не замечая прохожих.

Ветер трепал волосы Клэр. Где-то вдалеке гудел автомобиль.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Я знаю.

Он посмотрел на неё.

— Но, кажется, мы оба начинаем понимать, что дело не только в шрамах.

Клэр почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

Не от страха.

От какого-то странного, необъяснимого чувства, которое она не могла назвать.

Она вдруг захотела обнять его.

Просто обнять, прижаться к его груди и на несколько секунд перестать задавать вопросы.

Но вместо этого сделала шаг назад.

— Мне пора домой.

Бенджамин кивнул.

— Конечно.

Он не стал её удерживать.

Клэр развернулась и пошла к машине.

На этот раз она не обернулась.

Но всю дорогу домой ей казалось, что рядом с ней на пассажирском сиденье сидит кто-то ещё.

Кто-то, чьё лицо она не могла вспомнить.

Кто-то, кого она, возможно, искала всю жизнь.

Фрэнк ждал её в гостиной.

На журнальном столике стояли две тарелки с нетронутым ужином, а рядом лежала коробка с десертом из ресторана на набережной.

Клэр остановилась в дверях.

— Фрэнк…

Он поднял голову.

— Ты обещала позвонить.

Она закрыла глаза.

— Прости. Я забыла.

— Ты забыла?

Он произнёс это тихо, но в его голосе было столько боли, что Клэр почувствовала себя так, словно её ударили.

— Да.

Фрэнк поднялся.

— Я заказал столик. Договорился с мамой, чтобы она забрала детей. Купил тебе цветы. Я хотел провести с тобой вечер, Клэр.

Она посмотрела на столик.

Там действительно стоял букет белых роз.

Её любимых.

— Я знаю.

— Нет, — сказал он. — Мне кажется, ты не знаешь.

Он провёл ладонью по лицу и отвернулся.

— В последнее время я не понимаю, что происходит. Ты постоянно где-то далеко. Ты не разговариваешь со мной. Когда я пытаюсь спросить, что случилось, ты говоришь, что

устала.

Клэр молчала.

— Я не хочу давить на тебя, — продолжил Фрэнк. — Но мне нужно понимать, что происходит с моей женой.

Она почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я не знаю, Фрэнк.

Он медленно повернулся.

— Что значит — не знаешь?

— Я не знаю, что со мной происходит. Правда. Я пытаюсь понять.

Фрэнк долго смотрел на неё.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда давай разберёмся вместе.

Клэр закрыла глаза.

Эти слова были именно тем, что она хотела услышать.

И именно тем, чего боялась больше всего.

Потому что она не знала, как объяснить мужу, что рядом с другим человеком впервые за много лет чувствует себя так, словно наконец проснулась.

Она не знала, как сказать ему, что дело не в недостатке любви.

А в том, что где-то внутри неё появилась тоска по человеку, которого она никогда не встречала.

И что эта тоска становилась всё сильнее.

Позже, когда Фрэнк уснул, Клэр вышла на террасу.

Ночь была холодной. Над крышами домов висела тонкая

полоска облаков, а в саду шуршали опавшие листья.

Она обхватила себя руками и посмотрела на телефон.

Новое сообщение от Бенджамина.

«Простите, если сегодня напугал вас. Я не хотел».

Клэр долго смотрела на экран.

Потом набрала:

«Вы меня не напугали. Я просто не понимаю, что происходит».

Она отправила сообщение.

Через несколько секунд пришёл ответ.

«Я тоже. Но мне кажется, что мы должны выяснить правду».

Клэр прижала телефон к груди.

Впервые за много лет она почувствовала, что стоит на пороге чего-то совершенно нового.

Чего-то, что может разрушить её привычный мир.

Или наконец объяснить, почему этот мир всегда казался ей немного чужим.

Она подняла голову и посмотрела на тёмное небо.

Где-то далеко, за сотни километров отсюда, в старом архиве больницы Святого Андрея лежали документы, которые никто не открывал десятилетиями.

Документы о двух молодых людях.

О трагической аварии.

И о любви, которая, возможно, не закончилась даже после смерти.

Клэр ещё не знала, что на следующей странице дела Уилсон будет фотография девушки с её лицом.

Но завтра она её увидит.

И тогда уже не сможет убедить себя, что всё это просто совпадение.

Глава 7. Отражение

Утром Клэр проснулась за несколько секунд до звонка будильника.

За окном было темно. Дождь тихо стучал по стеклу, и в первые мгновения после пробуждения ей показалось, что она находится не в собственной спальне, а в какой-то другой комнате — с высокими окнами, старым деревянным полом и занавесками цвета выцветшего золота.

Рядом кто-то спал.

Мужчина.

Она не видела его лица, но чувствовала тепло его плеча и слышала спокойное дыхание. Ей хотелось повернуться к нему, провести ладонью по его щеке, сказать что-то такое, что было понятно только им двоим.

А потом где-то далеко раздался автомобильный гудок.

Мужчина резко поднял голову.

— Майли, беги!

Клэр села на кровати и судорожно вдохнула.

В спальне было тихо. Фрэнк спал, отвернувшись к стене. За окном действительно шёл дождь, но никакого гудка не было.

Она прижала ладони к лицу и несколько секунд просто сидела, пытаясь успокоить дыхание.

Майли.

Имя больше не казалось случайным звуком, который мозг выдумал во сне. Оно звучало внутри неё так отчётливо, словно кто-то произнёс его совсем рядом.

Клэр осторожно откинула одеяло и подняла край футболки.

Шрам на правом боку выглядел совершенно обычно: тонкая бледная линия, слегка неровная, давно зажившая. Она знала его с детства. Привыкла к нему. Научилась не замечать.

Но теперь он казался ей не частью тела, а вопросом, на который она почему-то боялась получить ответ.

— Ты чего не спишь? — спросил Фрэнк.

Клэр вздрогнула.

Он приподнялся на локте, щурясь спросонья.

— Просто кошмар.

— Опять?

Она опустила футболку.

— Да.

Фрэнк протянул руку и коснулся её плеча.

— Иди сюда.

Она легла рядом. Он обнял её, прижал к себе и поцеловал в висок. От него пахло привычным мылом и тёплой тканью подушки. Когда-то одного этого запаха хватало, чтобы Клэр почувствовала себя дома, где бы они ни находились.

Теперь она ощущала только вину.

Фрэнк был хорошим мужем. Он помнил, какой кофе она

любит, всегда оставлял ей последний кусок пирога и умел рассмешить её даже после тяжёлой смены. Он не заслуживал того, что происходило с ней.

И всё же, когда Клэр закрыла глаза, перед ней возникло другое лицо.

Она не знала его черт. Не могла вспомнить цвет глаз или форму губ.

Но знала, что этот мужчина ждал её.

И что она уже однажды не успела к нему.

В семь сорок Клэр позвонила матери.

Та ответила не сразу. На заднем плане шумела вода, что-то тихо звякнуло.

— Доброе утро, милая.

— Мам, ты помнишь доктора Уитмора?

На том конце провода наступила тишина.

Клэр выпрямилась на стуле.

— Мам?

— Помню. А почему ты спрашиваешь?

— Я хочу найти его медицинские записи. И документы по делу Уилсон.

— Клэр, я же просила тебя не торопиться.

— Ты просила меня приехать, когда сможешь рассказать всё лично. Я приехала. Ты рассказала, что не знаешь, откуда у меня шрам, и что больница когда-то присылала тебе письмо об ошибке в документах. Что ещё ты от меня скрываешь?

— Ничего.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Клэр закрыла глаза.

— Мам, пожалуйста.

Она не собиралась повышать голос. Не хотела превращать разговор в допрос. Но последние дни перевернули её жизнь настолько, что прежнее терпение куда-то исчезло.

— Я не знаю, что именно произошло, — наконец сказала мать. — Но я помню одну вещь. Когда ты была совсем маленькой, я однажды спросила врача, почему у тебя такой шрам. Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то ужасное. Потом ответил, что иногда после сложных родов остаются следы, о которых мать может не знать.

— Это медицински невозможно объяснить таким образом.

— Я знаю, Клэр. Сейчас знаю.

— А тогда?

— Тогда мне было двадцать два года. Я растила ребёнка одна, твой отец уже ушёл, а мне сказали, что если я продолжу задавать вопросы, то могу лишиться права забрать тебя домой.

Клэр почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Кто сказал?

— Не помню. Или не хочу помнить. Это было давно.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу оставить всё как есть?

— Понимаю. Просто обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не позволяй чужим людям убедить тебя, что твоя жизнь принадлежит им.

Клэр нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного. Просто… ты моя дочь. Я тебя вырастила. Я знаю, какая ты. Не забывай об этом, что бы ты ни узнала.

После разговора Клэр ещё долго сидела неподвижно.

Она не понимала, почему мать говорила о чужих людях, о праве на её жизнь и о том, кем она была. Будто речь шла не о старом медицинском документе, а о чём-то гораздо более страшном.

Телефон завибрировал.

Бенджамин:

Доброе утро. Архив подтвердил запись на одиннадцать. Сказали, что дело старое, но часть материалов сохранилась.

Клэр набрала ответ:

Я буду.

Потом стёрла сообщение.

Написала снова:

Встречаемся у входа.

Она посмотрела на собственное отражение в тёмном экране. Лицо выглядело усталым, под глазами залегли тени. Ей хотелось вернуться на неделю назад, когда самым серьёзным вопросом в её жизни было, успеет ли она забрать Ноя с тре-

нировки до начала дождя.

Но назад дороги уже не было.

Архив располагался в старом административном корпусе при больнице, которую закрыли почти двадцать лет назад. Часть здания отдали под городское хранилище документов, остальное пустовало. На стенах облупилась краска, а в коридоре пахло пылью, мокрой шерстью и чем-то металлическим.

Бенджамин ждал у входа.

Увидев Клэр, он улыбнулся, и она неожиданно почувствовала облегчение.

Не потому, что он мог объяснить происходящее.

Просто рядом с ним ей больше не приходилось делать вид, что всё нормально.

— Ты не спала, — сказал он вместо приветствия.

— Ты тоже.

— Я хотя бы не пытаюсь это скрыть.

— Ты всегда такой самоуверенный?

— Нет. Только когда нервничаю.

Она улыбнулась.

— Значит, ты нервничаешь?

— Клэр, я собираюсь открыть архив, в котором, возможно, лежит история моей жизни. И, судя по всему, твоей тоже. Было бы странно, если бы я пришёл сюда с воздушными шариками.

Она рассмеялась — коротко, почти неожиданно для са-

мой себя.

Бенджамин смотрел на неё так, будто этот смех был важнее любых документов.

Клэр первой отвела взгляд.

— Пойдём.

Их встретила невысокая женщина лет шестидесяти с аккуратно собранными седыми волосами. Она представилась миссис Грин и попросила предъявить документы, после чего повела их по длинному коридору в небольшую комнату с металлическими шкафами.

— Дело было передано сюда из больницы Святого Августина, — объяснила она. — Часть документов оцифровали, но материалы по старым происшествиям сохранились не полностью. Некоторые листы повреждены, некоторые отсутствуют.

— Мы ищем дело Уилсон, — сказала Клэр.

Женщина остановилась.

— Вы родственники?

Клэр и Бенджамин переглянулись.

— Пока не знаем, — ответил он.

Миссис Грин посмотрела на них чуть внимательнее, но вопросов задавать не стала.

Она достала с верхней полки толстую папку в потёртой серой обложке. На корешке выцвели буквы: WILSON — 18 OCTOBER 1986.

У Клэр внезапно заложило уши.

Она знала эту дату.

Не просто видела её в документах. Не просто слышала от матери.

Знала так, как знают собственный день рождения или номер дома, в котором выросли.

Восемнадцатое октября.

Она провела пальцем по краю папки.

— Всё в порядке? — тихо спросил Бенджамин.

— Да.

Он не поверил, но спорить не стал.

Миссис Грин положила перед ними несколько листов.

— Первоначально дело проходило как автомобильная авария. Двое молодых людей погибли на месте. Позже материалы пересматривали, потому что возникли вопросы к идентификации пострадавших и медицинским записям. Вот всё, что удалось найти.

Клэр прочитала первую страницу.

Дата происшествия: 18 октября 1986 года.

Место: шоссе 17, участок у старого железнодорожного переезда.

Погибшие: Майли Уилсон, 22 года; Самюэль Уилсон, 24 года.

Она перестала дышать.

Майли.

Самюэль.

Их имена стояли рядом.

— Двадцать два, — прошептала Клэр.

— Что? — спросил Бенджамин.

— Ей было двадцать два года.

Он посмотрел на лист.

— Мне тоже снилось, что я был примерно в этом возрасте.

— Тебе сорок.

— Я знаю, сколько мне лет.

— Нет, я не это…

Она осеклась. Не могла объяснить, что именно хотела сказать. В её голове возникла странная мысль: я прожила дольше, чем должна была. Мысль была настолько нелепой, что Клэр немедленно попыталась от неё избавиться.

Бенджамин перевернул страницу.

Там находилось описание аварии. Автомобиль съехал с дороги в дождливую ночь, ударился о металлическое ограждение. Один из элементов конструкции пробил боковую часть кузова и прошёл через тела обоих пассажиров.

Клэр отодвинула лист.

— Не могу.

Бенджамин молчал. Его лицо побледнело.

— Здесь написано, что они были пристёгнуты, — сказал он спустя несколько секунд. — Что удар пришёлся сбоку. И что… — Он замолчал.

— Что?

Он указал на строку внизу страницы.

У обоих пострадавших обнаружены проникающие повре-

ждения правой боковой поверхности туловища.

Клэр почувствовала, что комната начинает качаться.

Два одинаковых шрама.

Один автомобиль.

Один металлический предмет.

Две смерти.

И двое людей, которые через сорок лет сидели в архиве и смотрели на собственные имена в чужом прошлом.

— Это невозможно, — сказала она.

Но голос прозвучал неуверенно.

Миссис Грин, до этого стоявшая у стола, осторожно придвинула к ним ещё одну папку.

— Есть фотография. Она не относится непосредственно к медицинской части дела. Её приложили позже, когда кто-то запрашивал материалы.

— Кто? — спросил Бенджамин.

— В документах не указано.

Она достала прозрачный файл.

Внутри лежала старая фотография, выцветшая по краям. Молодая женщина стояла возле автомобиля, опираясь на открытую дверцу. На ней были джинсы, светлая блузка и длинное пальто. Волосы развевались на ветру. Она смеялась, запрокинув голову, а рядом стоял высокий темноволосый мужчина, который смотрел на неё с такой нежностью, что даже через старую плёнку это было невозможно не заметить.

Клэр перестала слышать звуки вокруг.

У женщины было её лицо.

Не просто похожее. Не отдалённое сходство, которое можно списать на общие черты или игру света.

Это была она.

Та же линия скул. Тот же изгиб бровей. Та же ямочка у левого уголка рта, появлявшаяся, когда она улыбалась.

Даже маленькая родинка возле подбородка находилась на том же месте.

Клэр медленно подняла руку к собственному лицу.

— Господи, — выдохнула она.

Бенджамин взял фотографию за края. Его пальцы дрожали.

— Это не может быть совпадением.

Клэр заставила себя посмотреть на мужчину рядом с девушкой.

Его лицо тоже показалось ей знакомым. Не таким, как лицо женщины, — не настолько очевидно, не настолько пугающе. Но в наклоне головы, в выражении глаз, в едва заметной улыбке было что-то от Бенджамина.

Он тоже это почувствовал.

— Посмотри на его руку, — сказал он.

Мужчина на фотографии обнимал девушку за талию. Его правая ладонь лежала чуть выше её бедра, а большой палец касался ткани блузки. В этом жесте была такая естественность, будто он касался её тысячи раз и каждый раз находил в этом что-то новое.

Клэр вдруг ощутила прикосновение.

Не на фотографии.

На собственной коже.

Тёплая ладонь на талии. Дыхание у виска. Тихий смех.

Ты опять опоздала, Майли.

Я всегда прихожу.

Не всегда.

Воспоминание исчезло, прежде чем она успела ухватиться за него.

— Мне нужно сесть, — сказала она.

Бенджамин подхватил её под локоть и помог опуститься на стул.

— Дыши. Смотри на меня.

Она подняла глаза.

— Я знаю эту фотографию.

— Ты видела её раньше?

— Нет. Но я знаю её.

Клэр закрыла лицо ладонями.

— Я знаю, как она смеётся. Я знаю, что она ненавидит, когда он называет её полным именем. Я знаю, что…

Она резко замолчала.

Бенджамин присел перед ней на корточки.

— Что ещё?

— Ничего.

— Клэр.

— Я не могу объяснить.

Он не стал настаивать. Просто положил руку рядом с её ладонью, не касаясь её.

И именно это — то, что он не попытался удержать её, не потребовал объяснений, не сказал, что она должна успокоиться, — помогло Клэр снова вдохнуть.

Миссис Грин деликатно отвернулась, давая им время.

Бенджамин поднялся и подошёл к столу.

— Здесь есть ещё что-нибудь? Письма, медицинские заключения, результаты вскрытия?

— Есть копия заключения и несколько приложений. Но часть документов, кажется, забрали родственники.

— Чьи родственники?

— Матери Майли Уилсон. Берти Уилсон. Она несколько раз обращалась за материалами. Последний запрос был много лет назад.

Клэр подняла голову.

— Она жива?

— Насколько мне известно, да. Её адрес должен быть в карточке запроса.

Миссис Грин нашла нужный лист и переписала адрес на небольшой клочок бумаги.

— Это старый адрес. Не могу гарантировать, что она до сих пор там живёт.

Клэр взяла бумагу.

Берти Уилсон.

Ещё одно имя из прошлого, которое почему-то уже каза-

лось ей знакомым.

— Спасибо, — сказала она.

— Подождите, — остановил их Бенджамин, когда они собрались уходить.

Он снова наклонился над папкой. На последнем листе было несколько строк, написанных от руки. Почерк выцвел, но одна фраза читалась достаточно ясно:

«Повреждения у обоих пострадавших совпадают по направлению и форме. Вероятность случайного возникновения идентичных ранений при данном механизме травмы оценить затруднительно».

Ниже стояла подпись врача.

Доктор Уитмор.

Клэр посмотрела на Бенджамина.

— Он знал.

— Кто?

— Уитмор. Он видел их раны. Он знал, что они одинаковые.

— Может быть, именно поэтому документы связали с нашим делом.

— Но почему в моих документах было дело Уилсон? Почему в твоих? Почему моя мать получила письмо из больницы?

Бенджамин не ответил.

Потому что впервые у них обоих возникло ощущение, что вопросы ведут не к одной разгадке, а к десяткам новых.

И все они начинались с одной даты.

Восемнадцатое октября 1986 года.

На улице дождь усилился.

Они стояли под козырьком архивного корпуса, и Клэр держала фотографию в прозрачном файле, который миссис Грин разрешила им снять на телефон. Она не могла перестать смотреть на девушку.

— Мне кажется, я схожу с ума, — сказала она.

— Если да, то мы с тобой делаем это синхронно.

— Это не смешно.

— Я знаю.

Он произнёс это так мягко, что Клэр наконец посмотрела на него.

Бенджамин выглядел потрясённым. Впервые с момента их знакомства она видела в нём не уверенного мужчину, который умел превратить неловкую ситуацию в шутку, а человека, у которого внезапно отняли почву под ногами.

— Ты ведь тоже её узнаёшь? — спросила Клэр.

— Не её. Себя.

Он коснулся фотографии.

— Я никогда не видел этого мужчину. Но мне кажется, что я знаю, как он держит руль. Как поправляет волосы, когда нервничает. Как смотрит на неё, когда думает, что она не замечает.

Клэр почувствовала, как к горлу подступает ком.

— А если мы просто хотим увидеть то, чего боимся?

— Тогда почему мне страшно именно сейчас, когда я вижу доказательство?

Она не нашла ответа.

Бенджамин помолчал, потом спросил:

— Можно я кое-что проверю?

— Что?

— Твой шрам.

Клэр замерла.

Он сразу поднял ладони.

— Я не предлагаю ничего… — Он запнулся. — Просто в заключении написано, что ранения совпадали по направлению и форме. Если наши шрамы действительно связаны с тем происшествием, мы должны увидеть, насколько они похожи.

Клэр понимала, что он прав.

И всё же ей было страшно.

Страшно было не то, что он увидит её шрам. Она уже передала его медицинское наблюдение коллеге и не собиралась смешивать лечение с личными чувствами. Страшно было другое: если шрамы действительно совпадут, у неё больше не останется возможности убеждать себя, что всё происходящее — случайность.

— Не здесь, — сказала она.

— Конечно.

— Я уже передала твоё дальнейшее обследование коллеге, поэтому не буду осматривать тебя как пациента. Но если ты

не против, мы можем просто сравнить шрамы. Только если тебе самому этого хочется.

Она услышала собственные слова и поняла, насколько неубедительно они звучат.

Бенджамин ничего не сказал. Только кивнул.

— Хорошо.

— Это не значит, что я…

— Я знаю, Клэр.

Но по тому, как он посмотрел на неё, она поняла: он не знает. И она тоже.

В кабинете было тихо.

Последний пациент ушёл почти час назад. Марта уже закончила смену и оставила Клэр сообщение, что закрыла регистратуру. За окном медленно темнело.

Бенджамин стоял у двери, пока Клэр включала верхний свет. Она не стала доставать медицинские инструменты: это была не консультация, а личная попытка понять, насколько похожи их шрамы.

— Я чувствую себя так, будто собираюсь совершить преступление, — призналась она.

— Мы сравниваем шрамы, а не грабим банк.

— Ты всегда так шутишь, когда нервничаешь?

— Уже выяснили, что да.

Она невольно улыбнулась.

На мгновение всё стало почти обычным: пустой кабинет, усталость после рабочего дня, мужчина, который ей нравил-

ся больше, чем следовало. Но затем Клэр увидела фотографию на столе, и иллюзия рассыпалась.

Она первой подняла край блузки.

— Вот.

Шрам находился справа, чуть ниже рёбер. Тонкий, бледный, вытянутый под небольшим углом. Клэр внимательно посмотрела на его форму, края и направление. Она видела его сотни раз, но никогда прежде не пыталась рассматривать как след конкретного повреждения.

Бенджамин подошёл ближе.

Он не прикоснулся к ней. Сначала просто смотрел.

— У меня такой же, — тихо сказал он.

— Я помню.

— Нет. Я имею в виду… такой же.

Клэр повернулась к нему.

— Покажи.

Он снял рубашку и поднял футболку. Его шрам находился почти на том же уровне. Такая же длина, такой же изгиб, такой же небольшой выступ у нижнего края. Даже тонкая диагональная линия, которую Клэр прежде принимала за обычную особенность зажившей ткани, совпадала.

Она подошла ближе.

Потом ещё на полшага.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Ты уже говорила.

— Потому что это невозможно.

Она попросила разрешения посмотреть на шрам поближе и сравнила его положение со своим, стараясь не превращать личный разговор в медицинский осмотр.

Разница составляла несколько миллиметров.

Клэр проверила ещё раз.

Потом ещё.

— Это может быть связано с особенностями строения тела, — пробормотала она, больше для себя, чем для него. — Положение органов, направление удара…

— Два одинаковых повреждения у людей, которые не знакомы и выросли в разных семьях?

— Я не сказала, что это объясняет всё.

— А что объясняет?

Она не ответила.

Она попросила Бенджамина повернуться боком, чтобы сравнить положение шрамов под одинаковым углом.

Затем она отступила на шаг, пытаясь оценить их вместе.

И вдруг поняла.

Они были не просто похожи.

Они словно продолжали друг друга.

Если представить две линии рядом, они образовывали единый рисунок — один длинный след, разделённый на две части. Небольшой изгиб на шраме Бенджамина совпадал с изгибом на её коже. Края, казалось, могли соединиться так точно, будто когда-то принадлежали одному повреждению.

Клэр медленно опустила зеркало.

— Бенджамин…

Он смотрел на неё.

— Я тоже это вижу.

— Такое не может произойти случайно.

— Наверное, может. Я не врач.

— Я врач. И я не знаю, как это объяснить.

Он опустил футболку, но не стал сразу надевать рубашку.

— Можно спросить тебя кое о чём?

— Да.

— Когда ты смотришь на меня, тебе иногда кажется, что ты меня потеряла?

Клэр почувствовала, как у неё задрожали пальцы.

Она могла соврать. Сказать, что он слишком много читает в их совпадениях, что усталость и стресс заставляют их придумывать несуществующие связи.

Но перед ней стоял мужчина, чьи сны повторяли её собственные. Человек, который носил на теле такой же след, как она. Человек, чьё имя, возможно, уже сорок лет жило где-то в глубине её сознания.

— Да, — ответила она.

Бенджамин медленно выдохнул.

— Мне тоже.

Они стояли совсем близко. Клэр могла различить крошечный шрам над его левой бровью, едва заметные морщинки у глаз, тёмные ресницы. Она вдруг вспомнила, как мужчина на фотографии смотрел на Майли.

Точно так же.

Не просто с любовью. С уверенностью человека, который уже однажды выбрал её и больше не собирался выбирать кого-то другого.

— Я не понимаю, что с нами происходит, — сказала Клэр.

— Я тоже.

— И я не могу…

Она замолчала, потому что Бенджамин осторожно протянул руку. Не коснулся её, только оставил ладонь между ними, словно предлагал ей самой решить, насколько близко она готова подойти.

Клэр посмотрела на его пальцы.

Она знала, что должна отступить.

У неё был муж. Двое детей. Дом, в котором её ждали. Жизнь, которую она строила пятнадцать лет и которая не перестала быть настоящей только потому, что рядом с ней возникла необъяснимая тайна.

Но она также знала, что впервые за много лет не хочет убегать от собственных чувств.

Она вложила пальцы в его ладонь.

Бенджамин не потянул её к себе. Не попытался сократить расстояние. Просто сжал её руку, и в этом осторожном прикосновении было столько нежности, что у Клэр защипало глаза.

В голове возникло ещё одно воспоминание.

Тот же мужчина.

Другая одежда. Другой свет.

Он держал её за руку на пустой дороге и говорил:

Если с нами что-нибудь случится, я всё равно тебя найду.

Клэр резко высвободила ладонь.

— Нет.

Бенджамин сразу отступил.

— Прости.

— Нет, дело не в тебе.

Она прижала пальцы к губам, пытаясь сдержать слёзы.

— Я не могу этого делать. Я не могу смотреть на тебя и чувствовать, будто ты… будто ты человек, которого я любила всю жизнь, если я даже не знаю, кто ты.

— Клэр, я не прошу тебя ничего решать.

— Но я уже чувствую, что что-то решаю. Каждый раз, когда прихожу сюда. Каждый раз, когда отвечаю на твои сообщения. Каждый раз, когда думаю о тебе вместо того, чтобы думать о своей семье.

Она посмотрела на него, и в её глазах было столько боли, что Бенджамин не стал спорить.

— Тогда нам нужно остановиться, — тихо сказал он.

Эти слова должны были принести облегчение.

Вместо этого Клэр почувствовала, будто он снова уходит от неё. Будто впереди уже есть дорога, дождь и оглушительный автомобильный гудок, а она снова не успевает сказать самое важное.

— Я не знаю, смогу ли, — прошептала она.

— Я тоже не знаю.

Он надел рубашку и застегнул пуговицы. Потом посмотрел на фотографию, лежавшую на столе.

— Но мы должны выяснить, кто они были. Майли и Самюэль. И почему их история оказалась связана с нами.

Клэр кивнула.

— Сначала документы. Только документы.

— Хорошо.

Он направился к двери, но перед тем как выйти, обернулся.

— Клэр?

— Да?

— На той фотографии ты смотришь на него так, будто он — единственное место в мире, где тебе не страшно.

Она ничего не ответила.

— Я не знаю, почему это меня так пугает, — продолжил Бенджамин. — Но я знаю, что не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной мне из-за какой-то фотографии, шрама или сна.

Он улыбнулся грустно, почти виновато.

— Если между нами действительно что-то есть, я хочу, чтобы ты выбрала это сама. Не потому, что так было когда-то. Не потому, что кто-то погиб. И не потому, что мы нашли старую папку.

Он ушёл.

Клэр осталась одна.

Несколько минут она не двигалась, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом подошла к столу и снова взяла фотографию.

Майли смотрела на неё с выцветшей бумаги.

Молодая, счастливая, влюблённая.

Клэр провела пальцем по краю снимка.

— Кто ты? — прошептала она.

И впервые ей показалось, что ответ уже находится внутри неё.

Просто она ещё не готова его услышать.

Когда Клэр вернулась домой, в гостиной горел свет.

Фрэнк сидел на диване с ноутбуком на коленях. На экране застыла какая-то таблица, рядом стояла кружка давно остывшего кофе.

— Ты поздно, — сказал он.

Клэр сняла пальто.

— Прости. Я была в архиве.

— В каком архиве?

Она замерла.

— В городском. Я нашла документы, связанные с тем старым делом, о котором рассказывала.

Фрэнк закрыл ноутбук.

— Ты говорила, что просто хочешь разобраться со шрамом.

— Так и есть.

— Клэр, — он посмотрел на неё устало, — я не собираюсь

проверять каждый твой шаг. Но ты всё время где-то мысленно отсутствуешь. Ты забываешь о наших планах, не слышишь, когда я с тобой разговариваю. Я спрашиваю, что происходит, а ты отвечаешь, что устала.

Она опустила глаза.

— Я действительно устала.

— От меня?

Вопрос прозвучал тихо.

И оттого оказался страшнее любого обвинения.

— Нет, Фрэнк.

— Тогда от чего?

Клэр хотела рассказать ему всё. О фотографии, о двух именах, об одинаковых шрамах. О том, что рядом с Бенджамином она чувствует себя так, словно возвращается в место, которого никогда не видела.

Но как объяснить человеку, которого любишь и не хочешь ранить, что в твоей жизни появилось нечто, чему нет разумного объяснения?

— Я пока не знаю, — ответила она.

Фрэнк долго смотрел на неё.

— Хорошо. Но когда узнаешь, пожалуйста, скажи мне. Я не хочу однажды проснуться и обнаружить, что ты уже ушла, а я даже не понял, когда это произошло.

Клэр почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она подошла к нему и села рядом.

— Я никуда не ухожу.

Он посмотрел на неё так, словно хотел поверить.

Потом обнял.

Клэр прижалась к его плечу, закрыла глаза и попыталась ощутить то спокойствие, которое когда-то было для неё самым естественным чувством на свете.

Она любила Фрэнка.

В этом не было сомнений.

Но теперь она впервые поняла, что любовь не всегда отвечает на все вопросы. Иногда она становится вопросом сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.